

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Сергей Ерёмин

НАХИМОВСКИЙ ДОЗОР

Дозоры

Сергей Еремин

Нахимовский Дозор

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Еремин С. А.

Нахимовский Дозор / С. А. Еремин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Дозоры)

ISBN 978-5-17-123302-0

XIX век, Россия, Крымская война. Легендарная оборона Севастополя. Дозоры четырех империй ревностно следят за тем, чтобы Иные не вмешивались в ход боевых действий людей, и друг за другом. И при этом каждый Дозор ведет свою игру – все хотят первыми добраться до... Знать бы, до чего именно. Ни капли вымысла – чистая правда истории, неведомой широкой публике.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-123302-0

© Еремин С. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Ерёмин

Нахимовский Дозор

Пролог

Ад крошечный воцарился на воде и на суше. Залпы орудий, треск рушащихся мачт, крики ярости, ругань, проклятья, вопли раненых, команды офицеров, свист боцманских дудок – все слилось в непрекращающийся гул. Воздух, перенасыщенный пороховыми газами и чадным удушливым дымом, стал тягучим и едким – пылали корабли, горели люди, дымились дома на берегу. Вздохнуть – и то было тяжело.

Ядра метались между парусниками черными грачиными стаями, бомбы стервятниками падали на головы обреченных и звонко лопались, круша дерево и металл судов, фаршируя тела осколками и шрапнелью выбитых из бортов щепок. С береговых батарей к русским кораблям хищно тянулись, рассыпая искры на воду, хвостатые ракеты.

Этот ад пытался заграбастать за гюйс, затащить в свою пасть и пожрать минного кондуктора Лабораторной номера первого роты Корпуса Морской Артиллерии Иоахима Пекуса.

В далекой юности ковенский паренек не думал и не гадал, что его жизненный путь окажется столь извилистым. Не виделось ему в снах и грезах, что он станет российским военным моряком, что с родной и близкой Балтики его переведут на Черное море, в Севастополь, где он будет снаряжать бомбы и гранаты для кораблей и дослужится до кондуктора. Тем более никак не мог предугадать, что окажется со своим ротным командиром на борту линейного корабля «Императрица Мария» – флагмана эскадры, на котором держал свой флаг вице-адмирал Нахимов. Но довелось, был командирован для проверки правильности снаряжения боеприпасов в бою. Уже и не установить, кому из флотских начальников пришла в голову эта «блестящая» идея. Но благодаря неизвестному служаке сейчас Иоахим широко распахнутыми глазами глядел на бомбу, которая неслась откуда-то с берега прямо на него.

* * *

С самого утра в районе черноморского турецкого городка Синоп моросил мерзейший дождь и дул порывистый ветер. В половине десятого утра русский флот начал маневрировать, направляясь к рейду бухты. Через полчаса после полудня турки открыли огонь по русским кораблям. До этого момента Пекус смотрел на разворачивающееся действо с большим любопытством – в сражениях и боях ему еще не доводилось бывать. Когда на «Императрицу Марию» посыпались снаряды, он не испугался, не струсил, вместе с палубными матросами убирал тлеющие обломки рангоута и обрывки стоячего такелажа. Не испугался даже тогда, когда с грот-мачты на него упали горящие ванты. Кто-то окатил его забортной водой, и Иоахим продолжил свою работу. Корабль, вооруженный восемьюдесятью шестью пушками, ведя огонь, упрямо шел на неприятеля и отдал якорь напротив 44-пушечного фрегата «Аунни-Аллах». Началась артиллерийская дуэль. Корабль задрожал от ударов вражеских ядер. Добавилось пожаров, щепки сыпались сверху на палубу, с хрустом ломались реи, грот-мачта быстро теряла ванты. Матросы не успевали убирать убитых товарищей и оказывать помощь раненым.

Пекус продолжал исполнять свои обязанности члена пожарной команды. Не жалея себя, бросался на самые угрожающие участки.

Он пробежал под мостиком, на котором находились командир корабля капитан второго ранга Барановский, а также Нахимов и многочисленные офицеры его штаба, когда нечто неведомое, некий внутренний голос завопил в нем об опасности. Моряк поднял голову и остолбе-

нел, застыл на бегу – с небес по дуге летела, неслась, целясь именно в него, в Иоахима Пекуса, смерть. Костлявая нарядилась крутобокой бомбой. Секунда ее полета растянулась для кондуктора в добрую минуту тоскливого ожидания. Оставляя за собой дымный след запала, снаряд неторопливо падал с вершины дуги на избранную им жертву. Казалось, бомба шипела на лету: «Жжди, я уже шдешь».

Иоахим не мог сделать ни шагу – его будто парализовало.

Тогда он сделал единственное, что пришло ему в голову, – мгновенно сотворил магический щит и бухнул в него почти всю свою Силу.

Смерть жахнула в защитный барьер с таким остервенением, что моряка кулем швырнуло на переборку. Он ударился головой, сполз со стены вниз на палубу и обмяк. Бомба, недовольно прошипев «шшволошь», откатилась в сторону борта, нашла развороченный вражеским ядром шпигат и упала в воду. Контуженный Пекус этого уже не видел.

* * *

Ноября восемнадцатого дня одна тысяча восемьсот пятьдесят третьего года русский отряд кораблей под командованием вице-адмирала Павла Степановича Нахимова в бухте турецкого города Синоп разгромил турецкий флот. Это была блестящая победа русского оружия.

«Синопская резня», как называли это сражение английские газеты, стала поводом для Великобритании и Франции к вступлению в войну на стороне Османской империи.

А инцидент с Иным послужил Инквизиции и европейским Дозорам основанием для создания объединенных Дозоров. «Для воспрепятствования вмешательства Иных в ход военных действий в мире людей».

Глава 1

I

Четвертого октября 1854 года в три часа пополудни к небольшому особняку классического стиля в Сивцевом Вражке подъехала коляска. Из нее выбрался высокий худощавый господин лет около сорока в партикулярном платье. Небрежно отсчитав тростью ступеньки невысокого крыльца, визитер постучал набалдашником указанного предмета в дверь, игнорируя шнур колокольчика. Дверь тотчас распахнулась, в проеме показалось заспанное лицо привратника.

– Чего изволите-с?

– Ступай, доложи барину, что к нему коллежский советник Бутырцев по делу. Он знает и ждет меня.

– Сию минуточку! – мелко засуетился лакей, распахивая вторую створку. – Не извольте гневаться, вашество... Ждут-с, а как же... Распорядились еще вчера в вечер...

«Вчера? – мысленно отметил про себя гость. – А меня он соизволил пригласить только сегодня».

Сразу за дверью открывалась широкая парадная лестница, ведущая на второй этаж. У ее подножия стоял дворецкий с неприятным зверообразным лицом, украшенным пышными гарусными бакенбардами. Бутырцев отдал цилиндр с тростью лакею и двинулся вверх вслед за молчаливым вергилием. На фоне такого проводника, мужчины ширококостного могучего сложения и немалого роста, совсем не тщедушный коллежский советник смотрелся юношей.

«Медведь, суший медведь, – подумал Бутырцев, всем своим существом ощущая, что проход по лестнице открыт, что можно. – И силищи немалой. Зачем он ему? Что охранять? В ТАКОМ доме?»

Поднявшись, дворецкий далее провел гостя боковым коридором, распахнул дверь в дальнем конце и провозгласил:

– Коллежский советник Бутырцев к вашему сиятельству!

– Заходи, Лев Петрович, жду, – раздалось из помещения, и жданный гость прошел в комнату.

Перед посетителем открылся кабинет с массивным канцелярским столом в стиле ампира у окна с пышными гардинами. Нестройный ряд стульев и кресел стоял вдоль левой от входа стены, отражаясь в громадных зеркалах от пола до потолка. Другая стена была сплошь заставлена шкафами со стеклянными дверцами. На полках теснились толстые старинные фолианты, пылились чудные вещицы. Китайские вазы перемежались громадными раковинами. В этой кунсткамере взгляд гостя выхватил заморские диковины: сушеные головы, деревянных божков с выпученными глазами и вымазанными красным толстыми губами, каменные топоры, большой африканский лук.

Пол был застелен персидским ковром с ворсом изумительной толщины, нога в нем тонула по щиколотку.

Хозяин дома, мужчина средних лет и таких же статей, был одет простецки, хотя и с претензией: поношенный, но богато расшитый восточный халат, из-под которого виднелись просторные шальвары и загнутые вверх мыски домашних туфель. На шее сибарита был замысловато повязан платок с турецким орнаментом. Голову украшала феска.

– Не ожидал меня увидеть в таком виде? – чутко отреагировал «турок» на слегка приподнятую бровь вошедшего. – Ступай прочь, болван, – бросил он дворецкому. Тот проворно исчез за дверью.

– Мое почтение, уважаемый... э-э... Аркадий Николаевич. – Бутырцев склонил голову в поклоне. – Вызывали-с, ваше сиятельство? Я, как услышал зов ваш непреклонный, сей же момент устремился к вам всей натурой своей, повинуюсь сердцу и...

– Не ерничай, – перебил гостя хозяин. – Усаживайся, Лев Петрович, в кресло. Разговор будет долгий и обстоятельный. – Хозяин дома, названный Аркадием Николаевичем, подошел к окну, чуть отодвинул тяжелую штору набивного бархата, вглядываясь куда-то в даль. – Как там твоё последнее расследование в Санкт-Петербурге? Чем закончилось?

Бутырцев не сомневался, что вызвавший его отлично знает и результаты, и обстоятельства злосчастного расследования, но почему-то сейчас хочет услышать оценку этого дела именно из уст самого следователя.

– Мальчишки-идиоты заигрались в благородство и приверженность Делу. Каждый своему. А старый прожженный шулер, которому соседство одного из юношей, имение матушки коего было неподалеку от его собственного, стало чересчур назойливо, решил чужими руками устранить вздорного возмутителя спокойствия. Подкинул в юные неокрепшие умы идею дуэлей до смерти – тайных схваток между адептами разных Сил. Адепты сии тут же с усердием начали друг друга изничтожать оружием обычным, шпагами и пистолетами, не оставляя тех следов, которые могли бы привлечь наше внимание. Пришлось повозиться, сопоставить, подумать. В итоге дела негодяй был наказан, жертва таковою не стала, новые смерти не последовали...

– Дуэли? Юные неокрепшие умы? Припоминаю одного такого, знатно набедокурил во Франции во времена Регентства... – Аркадий Николаевич язвительно посмотрел в сторону Бутырцева. Тот и ухом не повел.

– Все у тебя гладко и просто, Лев Петрович, все ясно и по полочкам разложено. Все мелочи и тонкости объяснены. За что и ценю – за умение увидеть необычное в обыденном, за остроту ума, за способность подойти бесчувственно, разумом. Конечно, я прочитал твой отчет. Прочитал и понял, что именно ты мне сейчас нужен. Потому что именно так надо подойти к...

II

К чему он хотел подвести Бутырцева, осталось неизвестным, ибо с треском распахнулись створки двери, и в кабинет вломился звероподобный дворецкий. Он был явно не в себе, но будучи хорошо вымуштрованным, собрал последние крупинки самообладания и сумел выдать из себя:

– Ваше сиятельство, к вам мануфактур-советник... Парфенов. – На фамилии очередного посетителя дворецкий почему-то споткнулся.

– Проси, болван! – рявкнул на слугу Аркадий Николаевич и продолжил: – Входи, Агний, входи, я приглашаю тебя.

– Принимаю твоё приглашение, Шаркан. – Вошедший мужчина хотя и был одет светски, в хорошо пошитое и прекрасно сидящее на нем платье, но носил бороду, как и полагалось уважающему себя купцу. – С какого это времени ты стал сиятельством, враг мой? Тщеславие разыграло? Или решил выгодно жениться на богатой и родовитой?

Шаркан невозмутимо пропустил подначку своего извечного противника мимо ушей. Льву Петровичу было понятно, что два Высших играли в эти игры столь давно и безрезультатно, что на такие мелкие уколы внимания не обращали.

– Прикупил титул по случаю, не мешает. С разными людьми приходится общаться, надо соответствовать.

Все же Бутырцев был ошарашен. Кого он точно не ожидал увидеть в кабинете Шаркана, так это главу московского Ночного Дозора. Но раз Агний здесь, то задание, которое, очевидно, собирался поручить ему Высший Темный маг...

– Да, ты прав...

Шаркан читал его как открытую книгу, что Льву было несколько обидно, все же он, Бутырцев, маг первостепенный, в некоторых своих способностях полагающийся и с Высшими потягаться.

– Ахрон, я хочу доверить тебе дело большой важности. – Начальник Дневного Дозора Москвы обратился к своему подчиненному, назвав его сумеречным именем, и это сразу придавило, заставило собраться, обострило все чувства. Агний сочувственно поглядел на Льва Петровича.

– Ты слышал о расследовании, которое провела Инквизиция по делу о Синопском бое?

– Не имел счастья ознакомиться. – Бутырцев понял, что он крепко отстал от жизни, пребывая в столичном Санкт-Петербурге. Не зря Шаркан и Агний предпочитают сидеть в московских углах своей паутины – старая столица всегда была в центре интриг и битв не только российских Дозоров и не только Инквизиции. Сюда к ним тянулись многочисленные нити из Средней Азии и Персии, из Леванта и Магриба, из Китая и Индии, даже из Японии. Может быть, и еще из более далеких и экзотических стран.

– После Синопского боя, когда русская черноморская эскадра под командованием вице-адмирала Нахимова столь блистательно разгромила оттоманский флот, некий турецкий наблюдатель от Светлых подал жалобу в Инквизицию на неправомерные действия русского Темного мага, повлиявшие на исход сражения, и потребовал наказать виновного. Инквизиция приняла эту слезную петицию близко к сердцу, назначила целую комиссию, проверила всех Иных, кто был в том злосчастном бою, и нашла виновного. Русским магом, сыгравшим столь роковую для оттоманцев роль, оказался артиллерийский кондуктор с флагманского линейного корабля «Императрица Мария» Иоахим Пекус. Этот «чистокровный русак», слабенький Темный маг шестого уровня, испугался летевшего на него снаряда и с перепуга сумел поставить магический щит, которым бомбу отбил в пучину. Если бы он этого не сделал, то снаряд прибил бы его, разmozжив ногу, потом взорвался бы на палубе перед мостиком, на котором стояли адмирал, командир корабля и еще несколько штаб-офицеров. Потеря флотоводца, флагмана и его ближайших помощников могла сказаться на исходе битвы в пользу турок. Но дурацкое вмешательство русского мага спасло их всех. Понимаешь, Лев Петрович, суть произошедшего?

– Как не понять. И чем же дело закончилось, что Инквизиция постановила? – Бутырцеву становилось все интереснее.

Агний, которого Лев Петрович старался не упускать из виду, казалось, совсем не слушал Шаркана. Он подошел к одному из шкафов с диковинами и пристально рассматривал какой-то камень. Показалось, что маг ведет насыщенный диалог с булыжником. Или не показалось?

– О, это отдельная песнь в хоре торжества справедливости. Инквизиция вынесла вердикт: да, повлиял, виновен, должен быть наказан. Конечно, многие, особенно англичане, хотели бы наказать самого Нахимова за «синопскую резню»...

Бутырцев непонимающе посмотрел на Шаркана: о чем он?

– Что же ты, братец, и газет совсем не читаешь в своей столице? Наверное, только верноподданническую пьесу Кукольника «Синоп» и смотрел? – Агний оторвался от общения с камешком и вклинился в разговор. – Английские газеты с упоением и возмущением писали о том, как русские жгли бедный несчастный мирный Синоп, как расстреливали и давили кораблями турецких моряков, спасавшихся в воде среди горящих обломков кораблей, как вломились в город и зверствовали там.

– Так не было же ничего подобного, помилуйте! – Даже выдержанный Бутырцев был потрясен подобными инсинуациями. – Сам канцлер Нессельроде приказом запретил Нахимову

наносить ущерб прибрежным турецким селениям. Город загорелся от обстрела береговых батарей нашим флотом, тут ничего нельзя было поделывать, шел бой. Турецкие корабли выбрасывались на берег, взрывались, горящие обломки подожгли город. В терпящих бедствие моряков наши матросы отродясь не стреляют, всегда подбирают, пусть даже и врагов самых непримиримых. Кораблями и подавно давить не могли, вся эскадра Павла Степановича на якорях стояла. В город десант не высаживали. Я слышал много рассказов наших флотских офицеров, никто ничего подобного не упоминал. Врут англичане!

– Горячий какой, – ухмыльнулся Агний. – А ты говорил, что Бутырцев – ледяного спокойствия и невозмутимости маг.

– А потому что патриот, – ответил Шаркан, переиначивая фразу из популярной, но сомнительной с точки зрения властей комедии. – Я уверен, что ты, Ахрон, будешь вести себя гораздо сдержаннее на своей новой должности.

– Какой же, извольте спросить? – Бутырцев недоумевал все больше и больше.

– Погоди, сейчас я о Синопском деле рассказ завершу. – Шаркан барственно развалился за своим монументальным столом и продолжил: – Мага того, Пекуса, допросили, вину он признал. Как ни старались некоторые раздуть дело, но просмотр всех исходов возможного попадания той бомбы показал, что бомба моряка не убила бы. Потом бы взорвалась, но, даже задев нескольких офицеров осколками, никак не повредила бы Нахимову, тем самым и результат боя не изменился бы. Но Пекуса решили наказать сурово – его лишили магии на пятьдесят лет. Он столько и не проживет, я посмотрел. Значит, наказали его бессрочно. Почему? Чтобы впредь другой мелочи неповадно было вмешиваться в дела большой важности.

– Дела людей?

– Дела людей. Ибо людей мы должны беречь...

– ...и защищать. Скажи мне, Шаркан, в чем здесь Инквизиция не права? – перебил своего вечного оппонента Светлый.

– ...и защищать, – продолжил Темный Высший как ни в чем не бывало. – Только с тех пор Инквизиция так рьяно взялась за защиту людей, что закрадываются некоторые сомнения в чистоте ее интересов.

Теперь, когда союзные войска трех империй – Великобритании, Франции и Блистательной Порты – решились на интервенцию в Крыму и осадили Севастополь, Инквизиция по настоянию все тех же союзников обязала воюющие стороны создать в Севастополе Дозоры, дабы присматривать за Иными. За теми из них, кто участвует в боевых действиях. Четыре Дозора, объединенных не службой Свету или Тьме, а по национальному признаку, обязаны совместно надзирать за соблюдением Договора всеми Иными, не допускать использования Силы для достижения военного превосходства ни одной из сторон, не допускать магических вмешательств в интересах людей. Казус Пекуса не должен повториться. Только на себя могут расходовать Силу воюющие Иные, раз им так уж нейдет участвовать в вечных человеческих играх. По десять Иных разрешается иметь таким Дозорам. Направлять, да-да, направлять их будут пять Инквизиторов, посланных в Крым, точнее, под Севастополь.

Бутырцев пожал плечами, он слышал о нескольких случаях, когда угроза самому существованию Иных заставляла Светлых и Темных, Ночные и Дневные Дозоры объединять усилия, действовать по-товарищески, сообща. Знал и о том, что тщеславная Инквизиция зачастую пыталась присвоить главенство в таких делах. Но чтобы столь рьяно и дотошно, столь регламентированно действовали совместные Дозоры? Не было такого на его памяти. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: московские Высшие маги решили разгадать этот ребус, понять, в чьих интересах сложился необычный комплот. И ему, Бутырцеву, сейчас назначат неприятную роль в этой мутной истории. Интересно, какую?

– Лев Петрович, вы сами отлично понимаете, в качестве кого мог прожектировать вас ваш повелитель, – отозвался на мысли мага Агний.

– Полагаю, на роль следователя?

– Ну, что ты, Ахрон! Как можно такую тяжелую фигуру, как ты, использовать в роли офицера в столь любопытной партии... – голос Шаркана был полон насмешливой печали. – Бери выше.

– Кем же я могу быть? Я всегда работаю самостоятельно, я не сотрудник Дневного Дозора, выполняю только твои специальные поручения, уже много лет занимаюсь одними расследованиями...

– Ах, любезнейший Лев Петрович, как бы я хотел заниматься только такими делами. – Казалось, Агний готов составить Шаркану партию в разыгрывании сочувствия.

– Но придется тебе побывать в нашей шкуре. Я ставлю тебя начальником объединенного русского Дозора в Севастополе. Агний?

– Согласен. Достойная должности кандидатура.

– Должен довести до вашего сведения, многоуважаемый господин мануфактур-советник, что означенная кандидатура склонна к своеволию, вольнодумию и чинопочитанию, – ухмыльнулся Высший Темный.

– Наслышан. Но мнится мне, что это заложено в вашей Темной природе, я не ошибаюсь? – сделал свой ход Высший Светлый.

– Отнюдь...

III

Лев Петрович слушал эту словесную партию с легким недоумением. Да что же это такое? Высшие спелись в такой дуэт, что ведут свои партии механически, уже думая о чем-то другом, о том другом, где их дуэт звучит не менее сыгранно. И совсем не похоже, что, как ему всегда казалось, извечные враги на каком-то уровне сыграют вразнобой. В любом случае уровень этот будет недоступен Бутырцеву.

– В Севастополе сейчас уже действует наш Дозор из семи Иных: четверо Светлых и трое Темных. Все низких уровней, рядовые исполнители. Тебе надлежит наладить дежурства и наблюдение за магическим фоном, связь с Дозорами союзников и Инквизицией, благо у тебя там много знакомых найдется, ты же у нас в свое время европы познал. Больше никого я дать не могу. Попробуй привлечь кого-нибудь из местных крымских Иных, но они там все несколько... своеобразные. Много старых оборотней и ведьм, есть жрецы древних вымерших культов. С ними сложно работать, они много видели, много пережили...

– Ваша светлость, граф Шарканский, – Агний на московский манер раскатал в звук «а» последнюю гласную в фамилии оппонента, – скажи господину Бутырцеву правду: старичье выжило из ума и никак не хочет понять, что мир изменился. Они сами себя не понимают, куда уж современным волшебникам их понять.

– Есть такое, – согласился Шаркан. – Кстати, господин мануфактур-советник, не могли бы вы выделить в помощь нашему дозорному кого-нибудь из своих современных и понимающих волшебников?

– Шаркан, ты же знаешь, у меня сейчас немалая часть Дозора в экспедиции...

– В Малой Азии, негласно следы Его ищут. Знаю, да. Но ты уж сделай милость, поделись каким-нибудь проворным व्यоношем, пусть походит у Ахрона секретарем или подручным. Заодно и глазами твоими побудет.

– В чем ты меня подозреваешь?

– Ни в чем не подозреваю. Просто уверен, что тебе нужен свой человек в этом деле. Хотя бы свидетелем. Ты же хотел, ждал, чтобы я тебе это предложил? – Шаркан смотрел открыто и искренне. Если так вообще можно сказать об Ином, прожившем века. Сколько именно веков, Лев Петрович не знал. Да и знать не хотел. Чтобы лишний раз не ужасаться.

– Ждал, да, – не стал отрицать Агний. – Есть у меня на примете человек. Вам, Лев Петрович, хорошо знакомый по последнему петербургскому делу. Господин Нырков, да-с.

– Нырков? Этот мальчик? Восторженный юноша, идеальный Светлый? Вы хотите, чтобы он замарался в том явно неблагородном деле, на которое вы меня обрекаете? Меня, старого, опытного, пожившего, – это понятно. Его-то за что? Чем он вам успел насолить?

– Господин Нырков? Ничем. К вашему сведению, Филипп Алексеевич этим летом выпущен мичманом из Морского корпуса на Балтику, но тут же взял отпуск по болезни и записался в столичный Светлый Дозор. Заявил, что не видит смысла в «практических плаваниях» по Маркизовой луже, что хочет приносить пользу, служа в Ночном Дозоре.

– Каков молодец! – восхитился Шаркан.

– Это в его характере, – согласился Бутырцев. – Так вы дадите мне его в помощники?

– Именно! Раз уж вы с ним сумели поладить в деле о дурацких дуэлях... Я уже вызвал его из столицы и имел смелость пригласить к тебе, Шаркан. – Агний посмотрел на хозяина дома.

– Уверен? Давай своего протеже.

Агний на секунду окаменел лицом. Тут же в дверь постучали. Медведь-дворецкий робко просунул голову в приоткрывшуюся дверь и произнес:

– Ваше сиятельство, там к вам... мичман Нырков. Светлый...

– Зови, болван.

«Похоже, болван – тут имя собственное всем слугам. Не очень подходит этому оборотню, но суть отражает верно», – успел подумать Бутырцев, пока Ныркова проводили в кабинет.

Если семнадцатилетний мичман был взволнован и даже напуган при виде столь высокого собрания Иных, то виду не подавал. Внешне. Внутри он звенел так, что, наверное, было слышно даже в Сумраке.

Бутырцев поставил ему за выдержку «отлично».

Молодой дозорный четко и даже браво ответил на пару пустых вопросов Шаркана. («Бывают ли пустые вопросы от Высших?» – тут же усомнился в увиденном Лев Петрович.)

Внимательно и даже с усердием выслушал приказ Агния... Как будто глава московского Ночного Дозора и, почитай, глава Светлых всея Российской империи не проинструктировал своего протеже. В это Лев Петрович в жизни не поверил бы.

Бутырцев успел по петербургскому делу хорошо узнать юношу и даже где-то полюбить его, находя в нем черты молодого себя – давнего, забытого Левушки Бутырцева. Молодой человек имел пытливый и любознательный ум, не любил монотонные дела, имел склонность к ходам рисковым. В том, что таковые авантюры в Крыму будут, Бутырцев не сомневался.

После Ныркова наступил черед его свежеепеченного начальника выслушивать советы и наставления Высших. Давненько Лев Петрович не чувствовал себя бестолковым школяром, которого мудрые пестуны призывают стремиться к познанию мира. Что ж, пришлось вытерпеть и это.

Первым покинул дом Шаркана его Светлый коллега. Раз – и он исчез в смутном мерцании перехода, захватив с собой Ныркова. Ни звука, ни дуновения. Бутырцев, маг опытный и многое повидавший, с завистью отметил элегантность ухода. Хотелось бы ему уметь делать так же. «Научусь!» – подумал он уверенно. «Научишься» – так же уверенно отозвался на его мысль Шаркан.

– Но сейчас мы займемся твоим оружием. Я решил доверить тебе кое-какие амулеты. – Шаркан встал с кресла, вышел из-за стола и открыл дверцу углового шкафа. – Подойди-ка сюда...

Глава 2

I

Осенняя степь под Перекопом оказалась не такой унылой, как ожидал Бутырцев: недавние мелкие дожди немного смочили иссохшую за лето землю, и молодая зеленая травка радовала глаз путников. Октябрьской ночью Шаркан перебросил Бутырцева с Нырковым с лошадьми, повозкой и поклажей поближе к старой оборонительной линии Крыма.

Теперь они ехали на юг в компании многочисленных обозов и пеших войсковых колонн, которые то и дело обгоняли стремительные верховые – курьеры, фельдъегеря. В российской глубинке тракт в это время года давно бы превратился в непролазную канаву с грязью, но в Крыму еще было сухо, солнечно и тепло.

В дороге обсуждали подробности доверенного им дела.

– Почему граф... э-э... Аркадий Николаевич нас сразу в Севастополь не перенес? – спросил своего Темного начальника мичман, восседая на козлах – возницу Бутырцев решил не брать, дабы не стеснять себя в разговорах с помощником. Поинтересоваться мнением Ныркова на этот счет он не удосужился. Филипп сделал себе еще одну пометочку в перечень черт Темных – бесперемонность по отношению к другим.

– Подумайте сами, молодой человек. Появляемся мы в осажденном городе: кто? Откуда? Где наши бумаги-с, проездные-подорожные? Где наши попутчики? Мы, конечно, можем головы заморочить, глаза отвести. Но нам в Севастополе еще долго пробыть придется, со многими людьми общаться. Кстати, можете графа свободно называть по сумеречному имени – Шаркан. Имя, как ни странно, славянское, означает «простоватый». Но заблуждаться не советую, он взял его, как мне думается, от противного.

– Полагаете, Лев Петрович, что кампания затянется? Что не возьмут союзники город в ближайшее время? Остатки Черноморского флота заперты в бухте, крепость с суши беззащитна. Англичане и французы воевать умеют. По слухам, одних только транспортов несколько сотен под Евпаторию прибыло. – Нырков горячился и вместе с тем в глубине души ожидал, что сейчас опытный и рассудительный Бутырцев успокоит, растолмачит, объяснит, подтвердит уверенность его в том, что не будет отдан врагу Севастополь, что выстоит, сдюжит русская армия, что доблестный флот еще даст генеральное сражение заносчивым британцам и отчаянным французам. И возможно, он, мичман Нырков, вместе с абордажной партией, сжимая в одной руке палаш, в другой – кортик, будет брать в плен неприятельского капитана... Да что там – адмирала! И сам Петр Степанович, герой Синопа, всенародный любимец и главный императорский флотоводец вице-адмирал Нахимов прикрепит к его груди крест святого Георгия и поцелует в окровавленный лоб, рассеченный... несильно... вражеским кортиком... И скажет душевно: «Спасибо, братец! Защитил Россию-матушку». И утрет скупую слезу – отец родной!

– Да, любезнейший Филипп Алексеевич, все так – сильны союзники. Английские газеты писали, что неприятель наш собрал в Варне запасы громадные, от орудий в количествах впечатляющих до мешков с землею, чтобы строить свои укрепления. Что уже набраны тысячи болгар-землекопов для строительства лагеря. Уверен, что все подсчитали банкиры в Лондоне и Париже. Знаю я их – у них кредита просто так не допросишься. Но думается мне, что они не учли самого главного...

– Чего же? – Полулежавший в повозке мичман даже приподнялся, присел, ожидая, что сейчас первостепенный Темный маг раскроет ему главную тайну их задания. В том, что таковая имеется, он даже не сомневался.

– Не учили они дух русского солдата. Не учили его стойкость. Нет, не таковы наши воины, чтобы сдаться при виде вражеской мощи. Сначала супостату положено гостинец преподнести – пули и штыки. И ядра из флотских единорогов. Попотчуют, пусть отведают. А генералы и адмиралы на то и поставлены, чтобы придумать, как город с суши защитить, как сделать из него крепость неприступную. – Бутырцев тоже дал волю патриотическим чувствам. Внешне это не проявлялось. Но в минуты волнения или напряжения ума у него даже речь менялась, вспоминались слова вековой давности, фразы строились более архаично – всплывала из глубины души юность, насыщенная страстями. Даже Нырклов заметил это.

– Правда ли, что вас будто бы сам император Петр Алексеевич в Париж учиться отправил? – решил воспользоваться благоприятным моментом любопытный юноша.

– Чистая правда! Послал меня царь с другими детьми дворянскими науки познавать во Францию в инженерную школу. Понимал император, что наше обучение – свет для невежественной России, не пожалел денег на благое дело. Я там знакомого встретил – Абрамку Петрова. Генерал-аншефа будущего, который потом себя Ганнибалом величать велел. Я и его брата, Алешку, знал. Еще по Преображенскому полку, где я был рядовым, а он гобоистом. Но младший братишка помер в юности, а с Абрамкой мы знатно повеселились во Франции: и вино пивали, и на войне воевали, – ударился в воспоминания Бутырцев.

– Это вы там, во Франции, Посвящение прошли? – осторожно поинтересовался Филипп. Вопрос для любого Иного очень личный, не каждый готов душу перед другим открыть.

Но Лев Петрович закрываться не стал. Светлый ему нравился, к тому же с этим мальчиком ему предстоит работать в паре, жить бок о бок, дело делать. Может быть, и воевать – с людьми или Иными, не развлекаться едут.

– Там. Заприметил меня один француз. Виконт де Брижак. Маг к тому времени силы немалой. Мы с ним в салоне общей знакомой как-то повстречались. Язвительный был человек, начал надо мною насмехаться. Я французский уже хорошо разумел, а изъяснялся еще дурно. Слово за слово, распалил он меня, но я виду не подаю. Он продолжает. Тут я не сдержался, матерно ответил, думал, не поймет похабщину. А он все понял, Иной ведь. Обложил меня по-французски. Тонко, с выдумкой. Главное – публично. Я его на дуэль вызвал, драться немедленно. Вышли в сад. Я уже в подпитии был, шпагу с трудом держал. Он стоит, хохочет, насмехается надо мной с одним кинжалом в руке. Я вскипел, бросился было на наглеца. Он мою руку перехватил с силой небывалой. «Fixer», – говорит. Развернул свое оружие, ткнул себе в живот, аж до самой рукоятки вогнал, лезвие из спины выйти должно было. Я думал, все – убится насмешник. А он чуть согнулся, поморщился, двумя руками клинок из тела вытащил. Камзол расстегнул, рубашку. Повторил свое «fixer», тут до меня дошло, что он велит мне смотреть на рану. Я глянул – батюшки-светы! – рана-то на глазах закрылась, и на коже ни следа. Меня аж трясло начало. «Ну что, – говорит уже по-русски, – получил сатисфакцию?» Я ничего понять не могу, подумал, что допил этой ихней кислятины до чертиков. Тут Анри меня и просветил насчет Иных. В Сумрак провел, вывел назад. Привел к Тьме. Потом учил меня, бывая в добром расположении духа, когда мы с ним куролесили. Как-то ночью возвращались мы с ним из Пале-Рояля, кутили с регентовыми друзьями, жаль, с самим герцогом Орлеанским не довелось познакомиться. Пьяные были, шли и песни горланили, попивая вино запросто, из бутылок. На наши вопли ночные воры пришли. С дубинками, а кое-кто и при шпаге был. Ох и повеселились мы с Анри!

Бутырцев замолк, смакуя пережитое. Мимолетная улыбка коснулась его лица – знать, было что вспомнить. Но быстро продолжил:

– Со многими Иными познакомил меня мой наставник: с французами, с англичанами, с испанцами тоже, с двумя итальянцами. Потом я в Европе не раз бывал – и по делам Иных, и как частное лицо. Еще большими связями разжился. Я полагаю, что наши Высшие учли эти знакомства, когда поставили меня начальствовать над русским Дозором в Севастополе.

– Кого же еще назначать, Лев Петрович, если не вас. Вы и с европейскими Иными знакомы, и следовательно знатный, уж я-то имел честь увидеть вас в деле, – польстил Бутырцеву Филипп не без задней мысли – хотелось юноше узнать, что же на самом деле поручено Темному расследовать. Не может быть, чтобы двое разномастных Высших послали Льва Петровича выполнять скучную работу надзирателя над Иными.

– Вы, Филипп, не темните, Тьма – сторона не ваша, – ухмыльнулся старый маг. – Хотите что-то спросить – спрашивайте. Сочту нужным передать вам какие-то знания – отвечу. В необходимых пределах. Если вопрос будет о том, что вас не касается, – не обессудьте. Так будет лучше для дела. Нам с вами еще многое предстоит.

Нырков помолчал, досадуя на себя за то, что его хитрость оказалась шита белыми нитками. Не хотелось показывать свою неосведомленность, выглядеть бестолочью в глазах хоть и Темного, но уважаемого им мага.

– Лев Петрович, так что мы будем делать на самом деле? – решился наконец молодой человек.

– Увы, Филипп Алексеевич, будем мы заниматься наискучнейшим на свете делом – следить за магическим фоном в городе и округе, прислушиваться, вылавливать малейшие всплески, определять источник, собираться с коллегами из других Дозоров и решать вопрос правомерности применения магии. И буде решено, что кто-то проштрафился, то выдавать виновного на суд Инквизиции.

– Лев Петрович! – взвился юноша. – Не держите меня за дурачка! Всегда вы, Темные... Будьте любезны...

– А еще... – многозначительно протянул начальник, – мы будем стараться понять, зачем европейские Иные натравили европейских же императоров на Россию, чем привлек их Крым, какая надобность собрала столь многочисленные Дозоры в Севастополе. И чем на самом деле они тут занимаются.

– Ух ты! – Нырков был ошарашен. – Вам Высшие что-то такое рассказали? Что вы знаете?

– Увы, Филипп, мне ничего не объяснили, не поделились московские гранды своими подозрениями. Они явно что-то знают, к каким-то выводам пришли. Но мне Шаркан наказал, чтобы я внимательно осмотрелся, вник во все подозрительное, вычислил интригу и только тогда доложил ему. Им – Агний был при этом напутствии. Они, видите ли, хотят услышать мое непредвзятое мнение о происходящем. Верят моему чутью следователя и способности видеть мелкие черты будущих событий. Удружили...

– Вы и впрямь можете будущее видеть? – нескромно заинтересовался любопытный Нырков.

– Увы, мой юный друг, дар мой небольшой и неудобный: вдруг удастся услышать слово, или фразу, или предмет как бы из будущего, а то и картинку целую. Что это? К чему? Самому приходится разгадывать загадки. Нет, я не пророк и не предсказатель. Я могу линии обыденных событий на несколько минут вперед посмотреть, иногда даже на полчаса в будущее заглянуть. Но не более.

– Мне и этого не дано. С моим пятым-то... – загрустил юноша.

– Учитесь, познавайте, я тоже не родился первостепенным. С шестого начинал, упорством и упрямством постигал магию. Никаким знанием не брезговал, в ножки учителям кланяться не стыдился.

– Я готов учиться... – засмутился вдруг Нырков и замолчал.

– Договаривайте! Смелее, ну! Я не обижусь, – подбодрил начинающего мага Бутырцев.

– Даже у Темного, – пробормотал юноша.

– Так-то лучше. Откровенность между нами – это залог успеха. Если я – разведчик и свежий взгляд на события для Высших, то вы, Филипп, тоже можете быть моими глазами и ушами в тех местах и в том обществе, где со мною не могут вести себя по-приятельски. Среди молодых офицеров, да и среди солдат вы будете своим без всяких заклинаний. Наверняка вы найдете собственные ниточки в доверенном нам деле. Кстати, раз уж вы мой помощник, то я обязан вам еще кое-что рассказать. В моем походном сундучке, да-да, в этом, – он кивнул в сторону поклажи, громоздившейся на телеге, – амулеты, доверенные мне Шарканом. Они вас не касаются, но среди них есть необычная раковина, которая позволяет связаться с главой московских Темных. Мало ли что может со мною произойти, тогда вы возьмете раковину и доложите. Сейчас я вас научу ею пользоваться. Обхватите ее пальцами снизу, как чашу... Именно так, правильно. Теперь поднесите ее ко рту, да-да, вот так, и говорите в Нее «Вызываю тебя, Шаркан!» Да громче, громче, не бойтесь, я накрыл нас сферой невнимания. Слышите, в раковине запищало? Теперь поднесите ее к уху и слушайте, что говорит вам собеседник... Слышно? Дайте-ка я поговорю.

Бутырцев коротко доложил Шаркану о прибытии в Крым. В ответ Высший сообщил ему свежие новости об обстановке в Севастополе. Известия были печальными: город подвергнут жесточайшей бомбардировке, продолжается затопление русских кораблей, пятого октября на Малаховом кургане смертельно ранен ядром начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Корнилов. По настоянию нашего Дозора было проведено расследование обстоятельств гибели фактического организатора обороны города, установлено французское орудие, из которого был произведен злосчастный выстрел. Следов магического воздействия не обнаружено. Впрочем, как и в других случаях гибели генералов и адмиралов союзников и русских. Иные были ни при чем, люди сами старательно убивали друг друга.

В угнетенном состоянии продолжили свой путь петербургские маги.

II

Шестого октября дозорные ехали по дороге из Симферополя в Бахчисарай. Лошади заметно устали, с покупкой сена и овса для животных были проблемы, но Бутырцев денег не жалел, полагая, что им надо как можно скорее попасть в Севастополь. Однако быстро ехать не получалось, дорога была забита войсками, шедшими к Севастополю, и встречными телегами с ранеными, которых везли в госпитали Симферополя.

Поначалу дозорные на всех остановках жадно расспрашивали о том, что творится в осажденном городе, об армии, о действиях союзников. Но быстро прояснив картину, Бутырцев решил придирчиво обдумать все, что можно припомнить по новому делу.

Своими размышлениями Лев Петрович решил поделиться с Ныrkовым. Во-первых, он обещал учить молодого человека своей методе, во-вторых, слушатель мог бы заметить и указать на несоответствия в его умственных построениях.

Они ехали, Бутырцев рассказывал о том, как ему видится ситуация. Ныrkову оставалось поддакивать, удивленно восклицать в нужных местах и задавать вопросы в самых сомнительных поворотах мысли следователя.

Если поставить перед собой вопросы: «Куда они едут? Что им предстоит? Что в этой войне четырех империй Шаркану с Агнием? Как оказался возможным столь противоестественный союз?», то суть виделась Бутырцеву таковой.

Есть два варианта: либо наличествует сильный враг, одинаково ненавистный или угрожающий обоим Высшим, либо... Либо существует приз, недостижимый для каждого по отдельности, но который возможно добыть совместными усилиями. Что, если враг тоже охотится за этим призом? Значит, враг – приз – союз владык московского мира Иных. Или всех рус-

ских Иных? В Европе тоже очевидный комплот: английской королевы Виктории, французского императора Наполеона III и турецкого султана Абдул-Меджида I. Но что Иным до дел человеческих? Впрочем, сколько раз Высшие Иные вмешивались в эти самые дела. Во благо людское... гм... в первую очередь свое. Всегда и всюду за катаклизмами человеческой истории можно обнаружить вмешательство Иных. Если как следует покопаться.

Напрашивался вывод, что за каждой из противоборствующих сторон в этой войне стоят Иные. За французами – парижское гнездо и, чего никогда нельзя исключать, – Ватикан. За англичанами – последователи Мерлина обеих мастей. За турками – Левант, Магриб... Персия?

«Не слишком ли ты широко метешь, Лев Петрович? – спросил сам себя Бутырцев, заканчивая эти рассуждения. И тут же сам себе ответил: – Не слишком, лучше сразу посмотреть на всю картину, чтобы понять, что на ней нарисовано».

Продолжил раскрывать глаза юному Светлому. Как вообще началась эта война? Если вспомнить все, что он видел сам, слышал от других, о чем читал в газетах российских и европейских? Думай, следовательно, сопоставляй – в первую очередь это надо тебе. Зачем? Чтобы выжить.

* * *

Если поглядеть на царствование Николая I с 1825 по 1854 год, то становится понятно, что к началу пятидесятых пик величия и мощи императором и самодержцем был пройден. Сам Николай об этом не догадывался, внешне все казалось незыблемым для европейского «жандарма» – он самый могущественный в Европе, никто ему не должен перечить. Поэтому Наполеона III, пришедшего к власти во Франции путем переворота второго декабря 1852 года, русский император считал государем незаконным – не совсем чтобы из грязи в князи, но из президентов в императоры? Фи! Бонапартам еще на Венском конгрессе четырнадцатого-пятнадцатого годов было раз и навсегда запрещено занимать французский престол. О чем Николай I тонко напомнил французскому выскочке – назвал в поздравительной телеграмме не братом, как император императора, а всего лишь другом – «*Monsieur mon ami*». Новый Наполеон это запомнил. Впрочем, он мог припомнить Николаю многое – в свое время французский бездомный принц просился в Россию, царь ему отказал.

В это же время Ротшильды усиленно навязывали русскому царю заем, о чем Бутырцев случайно узнал, будучи в Париже в политическом салоне у некоего русского, Герцена Александра Ивановича, борца с самодержавием. Возможно, небескорыстного агента тех же банкиров. Знал и о том, что Николай не поддавался, справедливо полагая, что это путь в финансовую кабалу. Ведь война – это хороший способ растряссти царскую казну. Да и мощну европейских монархов. Куда они денутся от финансовых воротил, возьмут кредиты!

Англичане? А что англичане? Царица Виктория, а правили банкиры. Но и королева, и знать, и банкиры – все хотели править миром и получать от этого свой немалый кусок пирога. И тут Николай со своим сомнением, с претензиями на какой-то там по счету Рим, с желанием носить титул защитника православия, из которого вытекало, что он – единственный защитник христиан в Османской империи. Ну и проливы – куда же без них? Николай спал и видел, как однажды к воротам Константинополя будет прибит его щит, София сбросит полумесяцы и вновь покроется крестами, а Россия жерлами своих пушек будет регулировать проход через Босфор. Церковь Рождества в Вифлееме будет собственностью православной церкви. И не Константинопольской, а Московской. В вопросе о церкви противником был Ватикан. В вопросах о проливах – и англичане, и французы. Не говоря о турках.

Турки, Блистательная Порта, Османы – сколько Лев Петрович себя помнил, столько Россия и воевала с южным соседом. Турки были повсюду: в Молдавии и Валахии, в Крыму, на Кавказе. С турками приходилось воевать, заключать мир, истребовав для России право защищать

интересы православных в их империи, опять воевать. Константинополь бросался под крыло то к Вене, такому же давнему своему сопернику, как Петербург, то к Парижу, отдавая Франции контроль над христианскими святынями в Палестине. То к Лондону, который тут же заставлял Османов принимать выгодную для британских банкиров позицию.

Все эти империи давили слабеющий восток оружием, но ревностно следили, чтобы кто-то не вырвался вперед.

На исходе лета 1852 года под стены Стамбула пришел 80-пушечный линейный корабль «Charlemagne», а уже в декабре ключи от церкви Рождества Христова были отобраны у православной общины и переданы Франции. Ватикан торжествовал! Россия стягивала войска к границам Молдавии и Валахии. «Отмстить неразумным...»?

Неблагодарный Франц-Иосиф, правящий Австрийской империей, спасенной штыками николаевской армии от развала в сорок девятом голу, когда восстали венгры, тут же начал собирать свои силы в кулак, не желая, чтобы лакомый молдавский кусок достался России. Прусский дядя Николая на это никак не отреагировал.

Англичане вообще полагали, что России не место в кругу морских держав, поэтому твердо решили, что русский Черноморский флот существовать не должен.

В начале 1853 года в Константинополь прибыл русский посол князь Меншиков. Да-да, тот самый, который сейчас в Крыму армией командует. Он заверил Абдул-Меджида, что Николай хочет укрепить узы добрососедства между двумя империями. Для этого Турция должна признать права Элладской церкви на святые места в Палестине, а России должно быть предоставлено право протекции над двенадцатью миллионами христиан в Османской империи, что составляло почти треть всего населения. Все это должно было быть оформлено в виде договора.

В это время английский премьер Абердин заключил соглашение с французским императором Наполеоном III о совместных действиях против России, которая чересчур возомнила о себе. Союзники действовали быстро. В марте 1853 года, узнав о требованиях русского царя, Наполеон III направил французскую эскадру в Эгейское море. А англичане – нового посла в Стамбул, который переиграл Меншикова, обещая султану поддержку Великобритании в случае войны.

Абдул-Меджид I издал фирман о нерушимости прав греческой церкви на святые места. Но он отказался заключить с российским императором договор о протекции. Николай воспринял это как очередное оскорбление. Первого июня российским правительством был издан меморандум о разрыве дипломатических отношений с Турцией.

После этого Николай I приказал восьмидесятитысячной русской армии занять подчиненные султану дунайские княжества Молдавию и Валахию «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». В свою очередь английское правительство приказало средиземноморской эскадре идти в Эгейское море.

Двадцать первого июня русские войска вступили в дунайские княжества.

Это вызвало протест Порты. В Вене была созвана конференция уполномоченных Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Результатом конференции стала Венская нота, компромиссная для всех сторон, потребовавшая от России эвакуации из Молдавии и Валахии, но дававшая России номинальное право защиты православных в Османской империи и номинальный контроль над святыми местами в Палестине.

Николай I Венскую ноту принял. Но османский султан, надеявшийся на обещанную британскую военную поддержку, предложил внести кое-какие изменения в ноту. Суть документа поправки не меняли, но тщеславие Николая было задето. Он, могущественнейший монарх Европы, должен пойти на поводу у каких-то турок? Достаточно того, что он согласился подчиниться авторитету глав ведущих держав мира. Поправки он отклонил.

Дальнейшие события выглядят очень логичными.

Абдул-Меджид I двадцать седьмого сентября потребовал от России покинуть дунайские княжества в двухнедельный срок. Россия это условие не выполнила. Четвертого октября Порты объявила войну России. Николай в долгу не остался и двадцатого октября в свою очередь объявил войну Турции.

До Синопского сражения, триумфа Черноморской эскадры Нахимова (с русской точки зрения), или до Синопской резни (по мнению влиятельных английских газет) оставалось всего ничего.

Или до дела Пекуса с точки зрения Льва Петровича.

Кстати, английская эскадра на выручку туркам в Синоп не пришла, сославшись на неудовлетворительные погодные условия. Единственный уцелевший турецкий корабль – пароход «Таиф» («Tauf») – позорно сбежал с поля боя, если полем можно назвать морскую гавань.

Но зато европейские Инные посочувствовали несчастным туркам, заставили Инквизицию заняться русским моряком, с перепугу закрывшимся магическим щитом. Занятно.

И война уже полыхает от края до края Российской империи, от ее западных придунайских желаемых границ до Северного моря и Камчатки. От Финского залива до Кавказа. И центр всех устремлений союзников, средоточие сил и финансовых потоков, основные военные действия – это все Севастополь.

Небывалые в истории объединенные Дозоры, представительство Инквизиции, подозрительный союз Шаркана и Агния – это тоже Севастополь. Им всем тут что, медом намазано?

* * *

Бутырцев методично читал лекцию для своего спутника. Сыпал именами, датами, пунктами договоров. У юного мичмана голова шла кругом. Он давал присягу Государю, он принимал Договор, он готов был умереть за Веру, Царя, Отечество, Дело Света. Но ему и в голову не приходило, что его подвиг будет связан с таким запутанным клубком гордиевых узлов. Куда как проще командовать вверенными тебе орудиями на деке линейного корабля, стоя под градом неприятельских ядер и бомб. Вообще-то он в бою еще не бывал, но в практических плаваниях со стрельбой участвовал...

Бутырцева к концу обозрения большой политики одолела досада – в результате всех этих неразумных ходов самодовольных деятелей, начиная с Николая Павловича и заканчивая продажными турками и московскими магами, он, Бутырцев, вынужден трястись в этой повозке по пыльной дороге в Севастополь. Учить мальчишку Светлого уму-разуму. Думать о том, где взять свежих лошадей или найти корм для выбившихся из сил коняг, которых Шаркан соизволил переместить в Крым. Трястись? Вообще-то сейчас стоим, как и всегда, – дорога узкая, сплошные телеги, возы, фуры, повозки, конные эскадроны, пешие ротные колонны. Возницы орут, курьеры орут, ишаки орут – воистину Содом и Гоморра. Только татарские верблюды спокойно жуют свою жвачку.

Глава 3

I

– Лев Павлович, смотрите, Иной, – Нырков вполголоса отвлек стратега от высоких дум.
– Где? – покрутил головой Бутырцев, возвращаясь к действительности.
– Вон же, прапорщик на фуре с ядрами впереди нас. Светлый... Уровень не могу определить...

– Четвертый, – ответил Темный маг, не раздумывая. – Аура спокойная, нас не видит. Пройдитесь-ка, Филипп Алексеевич, поговорите с собратом по Свету, заодно и ноги разомнете. А то вы на казенных харчах за пять дней нашего путешествия нешуточно раздобрили.

Обиженный подначкою Нырков резво прыгнул с повозки в белесую крымскую пыль и уже собрался было пойти вперед, но Бутырцев остановил молодого мага:

– Подождите. Пожалуй, пройду с вами, надо нам свой статус явить подопечным Иным. И продолжил, отвечая на невысказанный вопрос Филиппа:

– Не забывайте, что мы – дозорные. Нам надо учесть всех русских Иных в Севастополе и в армии, объявить им о надзоре за соблюдением Договора, о невмешательстве в дела людей...

– Все ясно, – буркнул Нырков, досадуя на Темного, – сейчас мы ему крылья подрезать будем.

* * *

Прапорщик, молодой человек лет двадцати по виду, в пропыленном мундире, с забинтованной головой сидел рядом с фушштатским солдатом на передке тяжело груженной ядрами фуры, беспечно насвистывая незамысловатый мотивчик. Мысли его были спокойны и размеренны, он совсем не заметил, как к нему подошли дозорные. Он вздрогнул, когда Бутырцев обратился к нему:

– Господин прапорщик, позвольте поинтересоваться...

– Что вам угодно, господа? – поскущел лицом офицер и неторопливо слез с фуры.

– Прапорщик четвертой роты второго батальона Минского полка Родимцев, – представился он. Постороннему человеку было бы непонятно, с какой стати он сделал это, ведь перед ним стояли всего лишь мичман и господин в партикулярном платье, возможно, в чинах, но сейчас явно не при исполнении.

– Мичман Нырков, – представился высокий темноволосый юноша и вполголоса добавил: – Светлый, севастопольский Дозор.

– Коллежский советник Бутырцев, Темный, начальник севастопольского объединенного российского Дозора, – подошедший худощавый господин говорил громко, очевидно, прикрыл разговор от посторонних глаз.

Родимцев с удивлением посмотрел на магов, он впервые слышал об объединенном Дозоре. Разве это возможно? Но перед ним стояли Темный, явно немалой силы, и слабый Светлый, чуть моложе его самого, но вряд ли выше по степени. Немного робея и смущаясь, пехотный офицер признался:

– Извините, господа, я не знал о таком Дозоре. Я что-то нарушил? Извините еще раз, я Иной недавнего посвящения, Светлый, пятого уровня...

– Уже четвертого, господин прапорщик... – перебил его Темный.

– Юрий Николаевич, к вашим услугам, – стушевался пехотный. – Как же это вышло, что я уже на уровень выше поднялся?

– Лев Петрович, – в свою очередь назвался Бутырцев, не ответив на вопрос.

– Филипп Алексеевич, рад знакомству с боевым офицером, – искренне добавил Нырков.

– Давно ли участвуете в кампании? – спросил Темный.

– Почитайте, с самого начала, с Альминского дела. Получил контузию, проходил лечение в госпитале в Бахчисарае, признан выздоровевшим, возвращаюсь в полк, – отвечал прапорщик, лихорадочно пытаясь понять, чего от него желает грозный Дозор.

– Не врете, Юрий Николаевич, – добродушно сказал Бутырцев, – врач велел вам еще неделю не вставать, долечиваться, а вы из госпиталя самовольно ушли. Я же вижу...

– Да как же можно мне в госпитале быть, коли Севастополь в опасности? Когда товарищи мои кровь проливают? – не выдержал Светлый. – Я как услышал про бомбардировку пятого октября, так сразу решил, что мое место в полку, в роте своей. У нас много офицеров погибло, а я почти здоров, я же Иной. Только мне бы целителя толкового, сам я в такой магии не силен. Я, почитай, магии-то и не обучался, – начав свою речь патетически, к концу ее Родимцев стих и вопросительно посмотрел на дозорного начальника.

– Господин прапорщик, сами признаете, что мало что умеете, а на встречу со смертью спешите. Не торопитесь, успеете еще, тем более что сильные действия всем Иным в Севастополе запрещены и строго наказуемы. Да-да, наказуемы: и русским, и союзникам, будь ты хоть маг, хоть оборотень, даже и вампир. Мы, Дозор, следим за этим и нарушителей установленного порядка будем передавать Инквизиции.

– Как же так? Сразу Инквизиции? – не на шутку испугался пехотный.

– Ей, голубчик, ей самой. Под Севастополем сейчас целая комиссия от Серых собрана, – огорошил Светлого Лев Петрович. – Но мне интересно, как вы с вашим малым опытом достигли уже четвертого уровня, да к тому же сами этого не заметили. Расскажите-ка про сражение. Страшно было?

– Да как же не страшно! Я в сражениях еще участие не принимал, а тут сразу такой ужас кромешный: французы навалились, пушки грохочут, ядра так и летают, штуцерники неприятельские, что за каменной стенкой в саду укрылись, в упор по нам бьют. А мы на них со штыками... Ротного сразу убили, и подпоручика Петрова тоже. Пока до неприятеля добежали, еще подпоручика и двух прапорщиков потеряли. И унтеров мало осталось. Я, получается, старший в роте. Ну и команду: «В штыки, ребята!», а солдаты уж навалились на французов. Я из пистолета в кого-то выстрелил, тут на меня мордастый такой в феске, не то француз, не то турок какой, навалился с палахом. Стыдно сказать, испугался я, прямо смерть свою в его глазах разглядеть успел...

Родимцев говорил все быстрее, горячась, переживая заново те страшные мгновенья штыковой атаки. Говорил искренне, понимая, что этим собеседникам можно и нужно сказать правду, что они не просто Иные, они русские люди, они поймут.

– ...я еле успел саблей его оружие отбить, но противник был сильнее меня, так по моему клинку рубанул, у меня аж руку отсушило. Повторным ударом он меня бы убил, ей-богу, я с испугу-то в Сумрак отступил, но стыдно мне опять стало – с поля боя сбежал, я назад и вывалился, тут молодец этого Трофим Стрельцов из второго взвода штыком в живот пырнул и приклад вниз опустил, потроха неприятелю выворачивая, как учили. После такой раны не живут. Свалился француз, а спаситель мой уж с другим схлестнулся. Я крепче саблю обхватил и ему на помощь крутнулся было... Но тут меня по голове будто бревном ударило. Очнулся – лежу на носилках, в ушах звон, поднять голову не могу. Кто меня несет, куда – не соображаю. Опять в беспамятство впал. Очнулся уж ночью. Кругом такие же раненые стонут, а многие уж и не стонут – отдали Богу душу. Тут девица какая-то подошла, приподняла голову мою,

напоила водой с вином, тряпицу на голове сменила на чистую, да и позвала солдат из нашего полка, которые меня дальше понесли.

– Откуда же девица взялась? Не бред ли, часом? – поинтересовался Бутырцев.

– Мне уже в госпитале потом сказывали, что зовут ее Дарья. Она – дочь матросская, с Корабельной стороны. Будто распродала она после гибели отцовской все имущество, купила бричку, корпии и тряпиц, вина, набрала воды бочонок, да и подалась к Альме, справедливо рассудив, что надо же будет кому-то раненых выхаживать, которых с поля боя вынесут. Она многим там помогла.

– Героическая девушка, и как не побоялась! – даже старый сухарь Бутырцев расчувствовался.

– Хороша ли собою? – проявил живой интерес Нырков, подходя к рассказу Юрия с другой стороны.

– Не разглядел я, ночь стояла, – сконфузился Родимцев и продолжил: – Говорят, господа, главнокомандующий, светлейший князь Меншиков ей самолично крест на ленте вручил и деньгами одарил.

В словах его сквозили и гордость, и хвастовство: будто его самого наградили, будто факт его перевязки такой выдающейся личностью делает его причастным к высокому благородному деянию простолюдинки.

– Даша... – восторженно произнес Нырков, уже что-то себе придумывая и о чем-то мечтавая.

– Светлые, что с вас взять, – пришел в себя, смахнул наваждение Бутырцев. – Что же, господин прапорщик, позвольте вас поздравить с участием в большом деле. Я так полагаю, что вам награда полагается или производство в чин. Ваш рассказ также объясняет, почему вы на следующий уровень Силы шагнули. Сумрак ваш страх выпил, силы и добавилось – такие случаи известны. Хорошо, что вы магию не применили, иначе пришлось бы нам с вами перед Инквизицией предстать. Вы уж, голубчик, если другого кого из Иных встретите, обязательно расскажите о запрете этом, дабы бед никто не натворил. Строго велено присматривать, чтобы вмешательств магических не случалось. – Бутырцев озабоченно нахмурился.

– Эх, как оно оборачивается, – тоже посмурнел лицом прапорщик. – Всенепременно передам. И юнкеру Козловскому, и подпоручику Архипову, хотя он и Темный...

– Ваши знакомцы? В каких полках служат? – взял названных на заметку Бутырцев, сделав вид, что пропустил оговорку Светлого мимо ушей.

– Да в нашем Минском же...

– Позвольте! Это что же получается, в одном вашем полку сразу трое Иных? – От услышанного в Бутырцеве проснулся следователь.

– Так четыре было, ваше высокоблагородие. Прапорщик Симбирцев погиб при Альме, как мне сказывали. Темный. Но ведь христианская душа, Царствие ему Небесное. – Родимцев перекрестился.

– Позвольте поинтересоваться, который вам год?

Нырков подумал, что вид Бутырцева напоминает ему что-то очень знакомое. Точно! Будто борзая учуяла дупеля, спрятавшегося в траве под кустом, поводит носом, вдыхая запахи, последний раз пробуя их, убеждаясь, что тут птица, тут, никуда не делась. Сейчас совсем замрет, вытянувшись в стойке, прежде чем вопросительно повернуться к охотнику: «Ну что же ты! Командуй: пиль!»

– Деятнадцатый.

– А вашим знакомым Иным в полку?

– Козловскому шестнадцать, подпоручик Архипов постарше будет, годов двадцати четырех. Он в полк из отпуска по болезни вернулся недавно, когда объявили, что нас в Крым посылают. Симбирцеву в декабре двадцать... было бы... А ведь и Архипов раньше времени из

отпуска вернулся. Как же так? Темный, а о себе не подумал? Может быть, решил, что уж его-то смерть минует, а тут чины и ордена возможны.

– Ну да, ну да, – иронично хмыкнул Бутырцев и возразил: – Зачем ему? Мы же Иные. Жить можно долго. Деньги с нашими возможностями нажить можно легко. Вас геройствовать потянуло, Светлый?

– Нет, не геройствовать. Отчизну защищать. Вам, Темному высоких степеней, не понять, – резко ответил Родимцев и смутился. – Простите, ваше высокоблагородие.

Помолчали неловко.

– Не хотите ли, Юрий Николаевич, в Дозоре послужить? У меня место есть вакантное. Работа для такого храбреца, как вы, для человека обстрелянного. И денежное довольствие повыше будет.

– Увольте, господин Бутырцев. Не мое это дело – упырей непослушных да оборотней глупых ловить.

– Выше берите. Посложнее дела-то будут. Интересные и отчаянные. Заодно и магией сполна овладеете, – искушал простодушного пехотного прапорщика опытный дозорный.

– Нет, не мое это дело – в хитросплетениях Иных дел разбираться, – подумав, ответил Ростовцев. – Не мое.

– Тогда до свидания, Светлый. Сумрак даст – свидимся. Берегите себя.

Из уст Темного такое пожелание могло бы выглядеть издевкой или угрозой, но Ростовцев понял, что на этот раз все сказано от чистого сердца.

Нырков в порыве чувств просто обнял боевого товарища и пожелал:

– Пусть тебя Свет бережет.

– И тебе, друг, Светлого пути. До встречи.

II

После этого разговора дозорные долго ехали молча.

Нырков рисовал в уме картины кровопролитных боев, героических схваток, в которых показывал неслыханное мужество. Ему виделись награды, за которыми по пятам следовала слава. Или слава катилась впереди героя и наград? Ведь пока представление к Георгию дойдет до Государя, пока он подпишет рескрипт, пока курьер привезет документ с Его подписью и вожденный крест в Севастополь – это же сколько времени понадобится? Конечно, главнокомандующий может его и своей властью наградить. Прямо после боя. Прямо в госпитале, куда доставят израненного, но молча переносящего неслыханную боль героя. Но чем может наградить генерал-адмирал? Не Георгием же четвертой степени – единственной достойной его подвигов наградой. Да и то – какой Георгий мичману? Это что же он должен такое совершить, чтобы полковничий орден заработать? Убить, нет, самолично захватить командующего одной из союзных армий? Сен-Арно? Тот, по слухам, умер уже без его, Филиппа Ныркова, участия. Кто там теперь у французов – Канробер? Или лучше пленить главнокомандующего у англичан – старика Раглана, который еще при Ватерлоо руку потерял и потому носит сюртуки необычного покроя, с чудными рукавами? Их еще его именем называют, рукава эти. Ну, какая же доблесть в том, чтобы захватить калеку... Нет, Даша не оценит, она девица добросердечная к людям.

При чем тут Даша? Ну а кто? Неужели в Севастополе еще остались дамы и девицы? Неужели адмиральские дочери не покинули осажденный город? Или они тоже вносят свою скромную лепту, дежуря в госпиталях и собирая средства на помощь раненым? Ну... тогда... тогда барышни обязательно восхитятся его подвигами!

Все же Раглан – скучный пленник. Так, может быть, прокрасться под покровом ночи... нет, в Сумраке... к главнокомандующему турок кроату Омер-паше, в кровавой схватке (непре-

менно кровавой!) побить его янычар и приволочь пред светлы очи генерал-адмирала князя Меншикова? Но турок русские всегда били, таким подвигом не прославишься. Тут надо целый турецкий штаб в плен брать. А что? Он врывается в турецкий шатер с горящим факелом в руке, подносит его к бочке с порохом... Откуда бочка? Она используется адъютантом вместо столика для бумаг. Ага, секретные бумаги! С картой расположения всех союзных войск, укреплений и резервов.

Бумаги придется захватить.

Итак, он подносит факел к бочке и объявляет Омер-паше и его штабу, что берет их в плен, иначе он не побоится пожертвовать своей жизнью...

– И получает удар прикладом по голове.

Нырков взвился как ужаленный. Залился краской и, мучительно заикаясь, выпалил:

– Это м-мерзко! Вы... вы п-подслушивали мои мысли... это... это...

– Извините, голубчик, – Бутырцев не стал дожидаться, когда юноша закончит свою обличительную речь, – и в мыслях не было копаться в ваших мыслях, извините за каламбур, как такой оборот речи французы называют. Просто бывал на вашем месте, понимаю, о чем вы можете мечтать после встречи с офицером, побывавшим в большом деле.

– Точно не читали? Вы ведь Темный, первостатейный, вам раз плюнуть. – Филипп поне-многу остывал, но ему было неловко, что его, морского офицера, дозорного, облеченного доверием самого Агния, призванного следить за соблюдением закона Иными... позвольте, это же опять продолжение грез!.. Неужто его мечтания – открытая книга для любого? Положим, Лев Петрович – не любой, а проницательный следователь, но нельзя же так... прикладом по голове – голова может треснуть!

Нырков не удержался, хихикнул. И смутился еще больше.

– Это вы молодцом. Не каждый способен посмеяться над своими мелкими недостатками, – на полном серьезе сказал Лев Петрович, и это сразу вернуло Ныркову уверенность в себе. Захотелось даже сказать Темному спасибо. – И не благодарите, – продолжил Бутырцев сеанс мыслечения. – Подумайте-ка, любезнейший, лучше вот о чем. В одном полку вдруг собираются четверо Иных. Четверо! Не в каждом российском городе столько встретишь. Это раз. Второе. Все они – молодые люди. Как только была объявлена война, как только в Крыму наметилась интервенция союзников и нависла угроза над Севастополем, так они дружно возвращаются в полк. Что же вам, голубчики, жизнь не дорога? Жизнь Иного? Живи себе долго, не болей, не старей, добро наживай при помощи своих возможностей. Люби, расти детей или играй по-крупному, плети интриги в столичных салонах. Ан нет! Всех потянуло Родину защищать. Непроста это, ой, непроста. Прибудем в Севастополь, обязательно проведем ревизию всех Иных, российских подданных, вплоть до потаенных татарских оборотней и ведьм. И надобно узнать, сколько Иных вместе с союзниками в Крым пришло. Что-то мне подсказывает, что с обеих сторон наберется гораздо больше обычного.

– Так что же тут неясного, Лев Петрович? Если русские – патриоты, то отчего бы англичанам-французам, да хотя бы и туркам не быть патриотами своей страны? Такие же молодые люди, как мы с Родимцевым, так же мечтают принести пользу Отечеству, добыть славу. Это же благородно!

– А Темные? Мы же всегда сами по себе. – Бутырцев был несколько огорошен, что очень порадовало юношу. – Как быть с Темными?

– Честь, слава, чины, должности, богатство – кто же не мечтает об этом? И Светлые, и Темные. Я знаю, что в английской армии чины и должности продаются. Куда прикажете идти младшим отпрыскам знатных семей, которым наследство не полагается? Только в армию или во флот. А у французских молодых людей пример Наполеона перед глазами. Какого могущества достиг одним своим гением!

– Положим, не только гением, – пробормотал себе под нос Бутырцев. – Если бы не этот эксперимент французских Иных с революцией...

Вслух же произнес:

– Что же, Филипп Алексеевич, в ваших словах резон есть. Придется вам поручить ответственное задание.

Начальник Дозора был серьезен, и его подчиненный подтянулся. Возможно, встал бы даже во фрунт, как человек военный, но вставать с повозки было лень, да и перед Темным выслуживаться... фи! Поэтому он только приподнялся и сел.

– По приезде я вас устрою в морской штаб порученцем. Не думайте, что будете мальчишкой на побегушках. Посылать вас будут в те места, где тяжело от неприятельского огня. Многие порученцы бывают ранены, да и гибнут частенько. Когда будете развозить приказы на бастионы и батареи – обязательно беседуйте с Иными, которых там встретите. Важно знать их настроение и помыслы. Важно понять, почему они здесь, на этой войне. Войне людей и империй. То же самое надо выяснить в разговорах с Иными союзников.

– Как же мне с Иными противника встретиться? Кроме как в бою.

– Не обольщайтесь, Филипп Алексеевич, мы в осажденный город не воевать едем. Поэтому будем встречаться с европейскими Иными, будем что-то обсуждать. То есть будут встречи и поездки друг к другу – политик. Придется надевать личины, чтобы бывать в лагере противника, проезжая через позиции. Думаю, мы с начальниками других Дозоров договоримся, как это лучше делать. Буду брать вас с собой, вы – человек впечатлительный, тонко чувствующий, умеете расположить к себе других молодых Иных. Побольше болтайте о том, о сем, слушайте, что вам говорят. Ваши наблюдения – пища для моих размышлений.

Филипп поскущел:

– Доносительство недостойно...

– Это не доносительство! – тут же перебил его Бутырцев, очевидно, ожидавший такого возражения. – Это ваше видение и ваши соображения на случай, если я, старый пень, что-то не увижу своими стариковскими глазами. И если будете не согласны в чем-то с моими оценками и выводами, то будьте добры, выкладывайте ваши возражения. Это не просьба, это приказ.

– Как изволите, – вынужден был согласиться Нырков. Но все же не выдержал, фыркнул будто бы сторону, но так, чтобы Темный услышал: – Стариковскими, как же. От таких глаз ничего не укроется. А меня на побегушках...

– Филипп, вам говорили, что вы – заядлый спорщик? Хотите, чтобы за вами всегда оставалось последнее слово?

– Хочу! – честно признался молодой человек, собираясь высказаться о том, что Бутырцев может возомнить о себе что угодно, но не таков он, Светлый, чтобы во всем слушаться даже первостепенного Темного, потому что никогда Тьма не будет повелевать...

Тут время сначала замерло, заставив сердце остановиться, пропустить удар, потом медленно-медленно, как загустевший мед, потекло, понемногу разгоняясь, чтобы дернуться, набрать ветра в тугие паруса и, повинаясь выкрику Бутырцева, понестись во весь дух, разрезая форштевнем несущиеся навстречу тяжелые валы событий.

– Стоять, не двигаться! Дневной Дозор! Выйти из Сумрака!!! – рывкнул враз подбравшийся и ставший очевидно опасным Лев Петрович, которого с сей секунды должно называть непременно Ахроном.

«Почему Дневной? Ночной же...» – Нырков еще не успел ничего понять, а его уже потащило в водоворот событий.

III

Ахрон сделал движение рукой, будто рванул на себя невидимую дверь, и из воздуха вывалился тяжелый рослый моряк. Неопрятно одетый, небритый, с наглыми глазами свихнувшегося убийцы. Одуревший от силы, впитанной с кровью, вампир.

– Дозорные, – упырь швырнул это слово в лицо магам, как самое позорное оскорбление. – Светлая тварь и Темный барин. Думаете, на вас управы нет?

И буквально размазался в воздухе, прочертив собою атакующую кривую.

Он был быстр, очень быстр в своем полете к горлу юноши. Нырков никак не успевал даже отпрыгнуть, забыв о тех заклинаниях, которые у него были по требованию Бутырцева приготовлены на всякий случай.

Ахрон, казалось, вообще ничего не сделал, но упыря рывком снесло в сторону. Мощное тело моряка покатилося по земле, но тут же исчезло. Именно так все увидел Нырков.

– Заклинания к бою, ставь щит – и в Сумрак! – скомандовал Ахрон, бросаясь вслед за вампиром.

«Занятно: маг уже исчез, а слова его только звучат...» – непрошенная мысль лениво ползла в голове юного Светлого, пока он непростительно долго копался в поисках своей тени.

Наконец тень была найдена, поднята, и он протиснулся в скучный пыльный мир.

Вампир не бежал, как следовало того ожидать. Чудовище было сильным, очень сильным, мощь буквально сочилась из упыря. Сила убила в нем страх, он бросался на Ахрона, исчерчивая пространство пунктирными следами своих движений. Невозможно было разглядеть и того, кто находился в центре этого вихря, – маг крутился столь же быстро, отражая атаки. И это в Сумраке!

Иногда чудовище вдруг замирало на долю секунды. В эти мгновения Нырков имел возможность разглядеть его тупое лицо... Недоумевающую клыкастую морду – вампир не понимал, почему он, царь и бог этого места, не может достать противостоящего ему получеловека-полудемона. Очевидно, сила пожрала в кровососе не только страх, но и ум.

«Почему медлит Бутырцев? – в свой черед не мог понять Нырков. – Наблюдает вампира? Пойдите, да это же... это гардемарин Маранин!»

Вдруг вампир рассыпался в воздухе, трухой оседая на глинистую дорогу. Ахрон повернул свое искаженное лицо к Филиппу и велел:

– Выходим.

* * *

Казалось, в красочном мире жизни ничего не произошло за те короткие секунды, прошедшие с момента, когда время споткнулось на своем пути. Все та же тоскливая крымская дорога, все те же телеги, скрипы, покрикивания возниц, блеющие овцы, команды усталых унтеров, ржание лошадей, висящая в воздухе пыль, вонь от трупов павших животных, гниющих в придорожных канавах. Лишь возница с ближайший фуры непонимающе смотрел на пропавших из поля зрения и вдруг возникших рядом с ним магов. И еще ведь что-то перед ним промелькнуло, и крик какой-то был.

– Что рот раззявил? – спокойно обратился к нему Бутырцев, возвращаясь к своей телеге. – Аль пригрезилось чего? Ворона пролетела? Гляди – в рот-то залетит.

– Так это... кутерьма была... – откликнулся бородатый мужик. – Будто выпрыгнуло что-то...

– Помстилось тебе, бывает с устатку. Который день в пути? – ответил Лев Петрович, вальяжно располагаясь в повозке, заботливо подтыкая подушки под бока. – Филипп, голубчик, трогайте, впереди уж двинулись.

– Не извольте гневаться, барин, может, и привиделась бесовщина – дьявол силен, а Господь сильнее. – Возница задней фуры перекрестился и встряхнул вожжи, понукая тощих лошадок. – Ну, мертвые, пошли!

* * *

– Вы даже не будете ему память подменять? – спросил Нырков старшего мага несколько минут спустя. Хотелось спросить о многом, но первым на язык попал этот вопрос.

– Да что там подменять... Что он мог видеть? Вы, Филипп Алексеевич, многое разглядели? Не было ничего – и точка. – Бутырцев думал о чем-то другом.

– Так ведь мы... вы Иного упокоили! Он тоже нас мог... – наконец вырвалось то, что заставляло до сих пор колотиться сердце и дрожать руки. – Вы знаете, кто этот упырь? Это гардемарин Маранин! Достойный юноша, а моряк какой... Был. Море любил, за Отчизну голову готов был сложить. А умер дурачки...

Нырков был не в себе от произошедшего. Как же так? Погиб товарищ, с которым ему доводилось общаться, о многом говорить, строить планы на блестящее и достойное будущее защитников Отчизны...

– Почему он на нас так... Как же вы его? Чем?..

Вопросы были сумбурными, под стать мыслям.

– Война, голубчик. Кровушка рекой льется. Видать, вурдалак этот не выдержал, обожрался сверх меры, мозги-то ему и отшибло – молодой, дурной, неопытный. Единственное, до чего додумался, – убраться куда подальше из Севастополя, где дозорных и Иных поменьше. Да по дороге на нас наткнулся, тут он окончательно умом помешался, на вас набросился... Надо бы найти того, кто его укусил...

– Спасибо, Лев Петрович, – перебил начальника Светлый. Он должен был сказать эти слова. Как бы ни было ему не по себе от того, что его защитил от Темного Темный. Скажем уж прямо – спас. На то он и Светлый, чтобы уметь признать достоинство даже врага, чтобы не быть скотом бездушным.

– Не стоит благодарности. Ты ведь тоже меня прикроешь при надобности. Но подучиться тебе боевой магии придется обязательно, не то пропадешь не за понюх табаку. Там дел-то было на копейку – дозорную отметку с кровососа сдернуть. Я почему не торопился – пытался понять, можно ли его образумить. Но нет, совсем упырь плох умом был.

Тошно и стыдно стало Филиппу от этих слов: Бутырцев-то даже не сомневается, что он, Светлый, прикроет спину Темному в бою против общего врага. И что сумеет прикрыть хотя бы от... Неумеха.

«Но Бутырцев силен! Дел на копейку? Просто метку сорвать? Это с груди сбесившегося от силы вампира? Не надо меня за дурачка держать – я же видел ваше напряженное мокрое от пота лицо. И сосредоточенный взгляд палача. Вот вы, оказывается, каков, Лев Петрович! Все добряком да простаком стараетесь выглядеть...»

Глава 4

I

Филипп влюбился в Севастополь сразу, как только с холма на Северной стороне перед ним раскрылся Большой рейд с многочисленными внутренними бухтами, заставленными как мощными парусниками и пароходами, так и баркасами, яликами и прочей плавающей мелочью. Южная и Корабельная сторона терялись в особой севастопольской дымке, к которой к тому же примешивались многочисленные клубы пороховых газов над защитными укреплениями.

Дозорные быстро переправились на Графскую пристань. За шумной разноголосой площадью, забитой войсками, телегами, орудиями, лошадьми, мешками, лавками с товаром, торговками и вообще непонятно чем и кем, мичман разглядел несколько белоснежных зданий. Отсюда начинались две главные улицы города – Екатерининская и Морская.

Город жил. Нет, у него не было ауры, не было зарождающегося самосознания. Несмотря на древность здешних мест, город был новорожденным ребенком. Ему и было-то всего шестьдесят с хвостиком – грудничок. Он никак не мог быть самостоятельным.

Жизнь Севастополю давали люди. Те самые люди, которые деловито и монотонно по ночам восстанавливали разрушенные днем бастионы, рыли ложементы и землянки, чинили крыши или хотя бы углы крыш домов на Центральном холме и в Корабельной слободке. Люди ежедневно делали город. Город был их детищем и защитником, любовью и заботой. Отдать город врагу, оставить «ему» Севастополь было так же безнравственно и немыслимо, как бросить преследующим тебя на лесной дороге волкам своего ребенка, как отдать жену на поругание насильнику. Город был живым существом.

Мало кто из его заступников готов был публично признаваться в любви к Севастополю. Но они ежечасно, ежеминутно доказывали эту любовь, безропотно отдавая за него здоровье, руки-ноги, частенько и жизнь.

Даже враги отдавали городу частицы своей души, исподволь восхищаясь его защитниками, проклиная его неприступность во всеуслышание или тайно, про себя, желая обладать Севастополем.

Эта непрекращающаяся работа людского муравейника создавала характер города: гордый, геройский, непримиримый для врагов и открытый, светлый для друзей. Филипп всем своим нутром Иного почуял главное – город любит своих защитников. Это взаимное чувство. И город плакал и скорбел несуществующей пока душой по павшим своим друзьям и создателям: от адмирала до распоследнего матроса, от солдата арестантской роты до главнокомандующего. Город любил не только шикарных морских офицеров и фигуристых генеральских адъютантов, не только залихватских усачей-матросов с крестами на шинелях, но и непутевых заблудших девиц из домов терпимости, возводивших «Девичью» батарею, и босоногих матросских детей, бесстрашно собирающих за батареями и бастионами вражеские ядра, и матросок – матерей этих мальчишек, исправно обстирывавших и кормивших скромной домашней снедью своих мужей, воюющих на бастионах, и чумазых беспорточных казаков-пластунов, наводящих ужас на неприятеля, и фурштатских солдат, ежедневно вывозящих на своих фурах груды тел погибших и умерших.

Невозможно не любить, когда так любят тебя. В отношениях между людьми это часто не так, но в случае с Севастополем это стало незыблемым правилом. Город любил своих защитников и отдавал им себя, как и они жертвовали собой ради Севастополя.

* * *

В Севастополе Лев Петрович развил бурную деятельность. Первым делом он ментально созвал всех дозорных. Познакомился с подчиненными – Иными в большинстве своем невысоких уровней Силы, молодых, посвященных совсем недавно – год-два назад. Другого и ожидать не стоило в этой свежей флотской квартире. В самом Крыму все было по-другому. Земля эта была недавним российским приобретением, но Дозоры на полуострове были давние и даже древние, наподобие дружин ополчения, все больше для защиты поселений от мелкой нечисти. Светлые и Темные зачастую вели свои родословные от общих весьма почитаемых предков, жили бок о бок, ходили друг к другу в гости, женили детей по договоренности между главами семей. Если уж враждовали, то война эта велась веками, кровно, по строгим законам, установленным пращурами.

Татары, караимы, греки, крымчаки – потомки народов, живших в Крыму испокон веков и проходящих через него из Азии в Европу. Скифские курганы соседствовали тут с греческими и пантикапейскими руинами, дороги римских центурий проходили рядом с могилами готов, от христианских пещерных храмов до мусульманских минаретов было рукой подать. Болгары и армяне тоже не смотрелись здесь пришлыми. Лишь названия немецких поселений слегка разбавили татарские топонимы.

Не таков был Севастополь – довольно новая военно-морская крепость России. Даже сам город был поставлен не на месте древнего греческо-византийского города Херсонес, а поодаль от него, на берегах большой бухты, на пару верст вглубь от устья. Но тут тоже встречались древние могилы, пещеры, развалины древних сооружений.

Городские здания вобрали в себя строительный материал из Херсонеса, но почти не осталось людей, живших здесь всегда. Город был населен исключительно моряками и членами их семей. Конечно, за шестьдесят пять лет выросло и чиновничье племя, и рабочие слободки, и купеческое сословие, и прочий люд появился. Но либо их флотские деды-отцы прибыли в Севастополь со всех краев Российской империи, либо они сами не так давно перебрались сюда с ближних и дальних губерний. Сам флот все равно давал больше связей с Санкт-Петербургом, чем с каким-либо другим уголком России. Так, поселок Новая Голландия, расположенный между Северной стороною города и древним Инкерманом, был назван так матросами, прибывшими с Балтики, наподобие столичной Голландии – в обеих были склады леса для флота. Флотские офицеры, выпускники Морского корпуса, не понаслышке были знакомы с градом Петра. Среди нижних чинов нынешнего флота тоже почти не было коренных крымчан, в лучшем случае внуки матросов флота Ушакова времен Екатерины да сыновья моряков адмирала Лазарева, который создал в Севастополе практически все.

В объединенном Дозоре Севастополя народ тоже был не из коренных, в лучшем случае из третьего поколения севастопольцев: русаки, малороссы и один поляк. Город и ближние хутора они знали хорошо, но даже в Балаклаве половина из них была от силы раз-другой. С крымскими Иными из татарских поселений не общались. Было несколько случаев совместной облавы на зарвавшихся оборотней, и все.

Бутырцев быстро уяснил расклад. Но не это его сейчас заботило – надо было срочно устраиваться в городе и устанавливать контакт с Дозорами союзников и Инквизицией. Он вполуха выслушал исполнявшего до него должность начальника Дозора – интенданта Ивана Дмитриевича Суровкина, Светлого четвертого уровня. Из доклада он усвоил три вещи: происшествий с Иными, заслуживающих суда Инквизиции, не случалось; Иных с русской стороны в городе много; Суровкин чертовски рад спихнуть с себя ответственность, пусть столичный Темный себе клыки в Севастополе обломает. Явственно читалось, что Иван Дмитриевич мыслит себе карьерный рост и по дозорной части. Сидел себе Иной на хлебных должностях, что

у людей, что у Иных, в ус не дул, на мир смотрел положительно, тут нате вам – война. Забот полон рот. Слава Сумраку, прислали ему начальника.

На такого товарища главы Дозора особо не понадеешься.

II

Бутырцев начал с обустройства, резонно решив, что раз все спокойно, то надо позаботиться о жилье, пропитании и прочих радостях жизни. Бывая в разных казенных учреждениях и штабах, он везде внушал самое лестное о себе мнение – радушен, щедр, со связями в столице. Душка – одним словом. Он умело находил или придумывал общих знакомых с севастопольскими чиновниками, флотскими и армейскими штабными. Побывал у Нахимова и пристроил Ныркова ординарцем к морскому штабу. Нашел себе комнату в приличном доме на Морской. Даже представился главнокомандующему князю Меншикову в качестве чиновника Морского ведомства, командированного в Адмиралтейство. Генерал-адмирал, будучи главою означенного ведомства, даже «припомнил» Бутырцева и начал было расспрашивать о делах, но маг чуть усилил усталость престарелого князя, и светлейший отпустил «старого знакомого» с наказом запросто заглядывать к нему на Северную.

Насчет Ныркова у начальника были свои резоны.

Седьмого октября, в день приезда петербургских дозорных в город, Филиппу посчастливилось предстать перед Павлом Степановичем Нахимовым. После гибели на Малаховом кургане своего друга и единомышленника адмирала Владимира Алексеевича Корнилова вице-адмирал занимал скромную должность начальника южных оборонительных сооружений Севастополя. Но все от распоследнего трюмного матроса до главнокомандующего всеми русскими силами в Крыму князя Меншикова твердо знали, кто на самом деле командует непосредственной обороной города.

Бывают безлошадные кавалеристы. Конник становится таковым, когда под ним убивают лошадь или она падет от усталости, болезней, бескормицы. Недавний герой Синопа, которого проклинали (сжег город и устроил резню) и над которым язвительно издевались лондонские и отчасти парижские газеты (приказал поставить свои корабли в Синопской бухте на якорь – чтобы со страху не разбежались под турецким огнем), оказался бесфлотным адмиралом. Цвет, гордость и краса Черноморского флота – парусные корабли – гнили на дне, откармливая червей-древоточцев, перегораживая неприятелю вход в Севастопольскую бухту. Небольшая часть флота – пароходы и самые крепкие парусники – стояла в глубине бухты, демонстрируя свои пушки неприятельскому флоту и поддерживая армию огнем по полкам экспедиционного корпуса союзников.

Даже эти остатки некогда грозной силы потихоньку теряли свою мощь, отдавая береговым укреплениям и бастионам свои грозные дальнобойные орудия и самое главное – моряков. Морскому офицеру Ныркову пришло в голову сравнение, что корабли исправно несут службу, истекая кровью.

То ли Нахимов угадал морскую душу в представленном им мичмане, то ли Бутырцев слегка надавил на сознание флотоводца, но Павел Степанович проявил сердечное участие в судьбе юноши.

– Так вы, господин мичман, сами решили вернуться из отпуска и проситься к нам, на Черноморский флот? Похвально. Но как же мне вас устроить, вы же на Балтике должны служить? – задумался над коллизией вице-адмирал.

Бутырцев счел нужным подтолкнуть Нахимова в его размышлениях в нужную дозорному сторону и навел на адмирала легчайший морок.

– Позвольте, не вашего ли батюшку Алексея Николаевича я знавал по службе на «Азове»? Помнится, что мы с ним добрый месяц соседствовали в каюте, пока его на другой корабль не перевели служить.

– Он самый, ваше превосходительство, – отчеканил мичман, ощутив легкий ментальный толчок со стороны Бутырцева.

– Как же, как же... Отличный был артиллерист. В вашей аттестации записано, что вы тоже проявляете способности в ведении артиллерийского огня. Очень рад, что вы не посрамили своего отца.

– Яблочко от яблони... – Бутырцев постарался еще чуть-чуть надавить на Павла Степановича.

– Что ж, буду ходатайствовать о зачислении такого молодца к нам на флот. Но, извольте видеть, корабельных вакансий сейчас нет, а на батарее вам, по моему разумению, рановато будет. Не хотите ли, Филипп Алексеевич, послужить на посту ответственным, требующем проворства и смекалки? – и добавил, не дожидаясь ответа: – Хорошо ли вы ездите верхом?

– Отменно, могу поручиться, видел его на скачках, – ввернул Бутырцев, не дожидаясь, пока ошарашенный Нырков что-то скажет супротив очевидных намерений адмирала.

– Так это же здорово! – искренне обрадовался Нахимов. – Редкое умение для моряка. Я сам с трудом приноровился каждый день верхом бастионы объезжать. И половина из ординарцев таковы. На палубе, на мачтах в любой шторм удержатся, а с лошадью совладать не могут. Решено, рекомендую вас ординарцем при штабе. Сейчас я выпишу бумагу на этот счет.

Так с легкой руки Павла Степановича стал мичман Нырков сухопутным развозчиком приказаний. Сначала он стеснялся такой нелестной для моряка должности. Но вся эта шелуха мнительности слетела с него при первой же доставке приказа на севастопольские укрепления. Это был четвертый бастион, тот, что стоял через Южную бухту на горке к югу от центрального городского холма. Чтобы попасть туда, надо было спешиться у подножия горки, долго идти извилистыми траншеями, на самом бастионе под руководством сопровождающего матроса пробираться к позициям тоже по ходам в земле, не поднимая головы, чтобы не получить пулю от меткого французского штуцерника, и кланяясь до земли при каждом выкрике наблюдателя «Бомба!». Оказалось, что вестовые частенько бывают под огнем, что их ранят чуть ли не ежедневно, что немало доблестных офицеров уже погибло. Что их награждают и делают представление к чину наравне с прочими боевыми офицерами. Никто не считает, что их близость к начальству дает им преимущество. Наоборот, благ никто не ищет, но многие считают за честь выполнить любую просьбу самого Павла Степановича. Это сразу утешило самомнение Филиппа. А уж когда он был ранен в руку и продолжил выполнение своего задания... Можно было даже чуть-чуть погордиться собою. Можно было бы, если бы это не было обыденным делом в Севастополе. Но чуточку уважения со стороны сослуживцев это ему добавило.

Так и пошла служба мичмана Ныркова в Севастополе: при штабе непосредственно у Нахимова и одновременно в Дозоре у Бутырцева. С приказаниями лично адмирала и морского штаба он успел побывать у защитников на всех бастионах и батареях обороны Севастополя, а с Бутырцевым увидеть другую, осаждающую армию.

III

Северная сторона города была свободна от неприятеля, укрепления ее выдержали первый ненастойчивый натиск союзных войск и бомбардировку. Дорога с Северной стороны на Бахчисарай и далее на Симферополь была свободна. По ней доставлялись припасы и шли пополнения. По ней же прибыли в город Бутырцев с Нырковым.

Русская армия располагалась на высотах вдоль бухты, занимая район Мекензиева хутора и далее вдоль реки Черной селения Инкерман и Чонгар.

Напротив через длинную, в семь верст, Севастопольскую бухту расположились Южная и Корабельные стороны, разделенные между собой Южной бухтой – перпендикулярным к главной бухте отроком, ведущим на юг. Южная сторона – основная часть города, с новыми домами, гостиницами, ресторанами, Дворянским собранием и морской библиотекой, с бульваром для чистой публики, где по вечерам играли по очереди полковые оркестры. Флотские офицеры и городские чиновники предпочитали селиться здесь.

Корабельная сторона была районом флотских экипажей, учебных рот, складов и ластовых команд, составленных из нижних чинов, не способных нести службу в экипажах и употреблявшихся для различного рода береговых надобностей. Тут находились Лазаревские и Павловские казармы. Здесь располагалось Адмиралтейство, заложенное одновременно с городом и крепостью еще во времена Екатерины. Шаркан выхлопотал бумаги для Бутырцева, по которому он откомандирован именно на доки и верфи – якобы надзирать и вести учет. В Российской империи это было чертовски прибыльно: надзирать и учитывать – самая большая мечта чиновника николаевского времени. Да что там николаевского – всех времен и народов!

На Корабельной селились также отставные небогатые офицеры. Строили халупки и небольшие домишки работники Адмиралтейства и семейные нижние чины. Матрос в отличие от солдата – человек основательный, привычный жить в доме. Его дом – корабль, приписанный к порту, куда он возвращается из плаваний. Но возвращаться надо к кому-то. Грех в таком разе не обзавестись семьей. Раз есть семья, то нужно и жилище на берегу.

Южная и Корабельные стороны были окружены быстро достроенными или только что возведенными укреплениями – бастионами и батареями. Над Корабельной возвышались две небольшие горы: на одной Корнилов с Тотлебенем оборудовали бастион, по счету третий, который англичане уже успели прозвать Большим Реданом, Злым Реданом, и Малахов курган с наиболее мощными укреплениями – сердцем всей обороны Корабельной стороны. Когда-то отставной капитан Михаил Михайлович Малахов приобрел у подножия этого холма участок земли, где открыл рынок. Туда татары привозили продукцию своих хозяйств, рыбаки там продавали рыбу, матроски торговали домашней снедью. Сам Малахов, пропустив несколько стаканчиков местного вина, любил отдыхать под тенью деревьев, растущих на склоне холма. Злые языки поговаривали, что отставной капитан – пьяница, но это был явный навет – Малахова уважали на Корабельной.

Теперь курган, к которому прилепилось имя хозяйственного моряка, стал неприступной крепостью в цепи бастионов и батарей, воздвигнутых талантом подполковника-инженера Тотлебена и круглосуточным трудом тысяч матросов, солдат и жителей города в сентябре нынешнего, тысяча восемьсот пятьдесят четвертого. В тот месяц союзники стягивали петлю вокруг города, полагая одним махом взять не укрепленную с суши базу наполовину потопленного самими русскими Черноморского флота. Каково же было их удивление, когда, предприняв пятого октября невиданную в истории бомбардировку города с моря и с суши, они не то что не смогли разрушить и взять эти наспех возведенные бастионы, но и не продвинулись ни на сажень в глубь обороны русских. Орудия с погибших, но не сдавшихся парусных кораблей, многие из которых громили турок при Синопе, встретили их ответным огнем. Флот почти умер, но отдал свои мускулы, свою главную силу – артиллерию – своей базе, городу. Беззубая, как думали союзники, крепость в ответ на натиск извергла огонь. К такому неприятелю не был готов.

Именно там, на Малаховом, был смертельно ранен ядром в верхнюю часть ноги начальник штаба флота вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, вложивший душу в организацию обороны города. Моряки и армейцы накрепко запомнили строки из его приказа: «Помните же, не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду; тот изменник, кто протрубит ретираду! И если я сам прикажу отступать – коли в меня!» Его последние слова «Отстаивайте Севастополь...» стали духовным завещанием, девизом, который знал каждый.

* * *

Объединенные Дозоры тщательно проверили обстоятельства гибели русского адмирала, фактически командовавшего Черноморским флотом на протяжении последних лет. Равно как и смерть главнокомандующего французов маршала Франции Армана Жака Ашиль Леруа де Сен-Арно, сильно занемогшего под Севастополем и умершего двадцать девятого сентября на пути в Константинополь якобы от холеры. В течение одной недели ушли из жизни две знаковые фигуры: русский адмирал, который десятью годами ранее наблюдал в Англии за строительством пароходов и скрупулезно изучал состояние дел на английском военном флоте, и бывший военный министр тогдашнего принца-президента, который подготовил военный переворот и привел Бонапарта к императорскому титулу. У нового государя, Наполеона III, он стал обер-штабмейстером. Французский Дозор косился на англичан, русские Иные грешили на тех и других, что думали турецкие дозорные – непонятно. Инквизиция по обыкновению выслушала всех и вынесла вердикт: никакой магии не было применено, все произошедшее – дело рук человеческих и игра слепого случая.

Суровкин, товарищ Бутырцева как начальника севастопольского русского Дозора, рассказал, что самолично был на месте гибели Владимира Алексеевича с двумя дозорными от англичан и французов, опросил свидетелей, прослушал фон, искал следы магического воздействия, побывал в госпитале, где скончался адмирал, в соборе, где в склепе тело Корнилова покоится рядом с телом его учителя адмирала Лазарева, – все чисто. Но буквально вчера он услышал из уст одного флотского офицера любопытную историю. Будто бы была у корниловского адъютанта лейтенанта Железнова чеченская шашка дамасской стали, которую тот на Кавказе за бесценок купил. Погиб Железнов пятого ноября пятьдесят третьего года, когда пароходофрегат Корнилова «Владимир» бился с вооруженным турецким пароходом «Перваз-Бахри». Никогда до этого паровые корабли не вступали в схватку друг с другом, это был первый в истории бой. Русские моряки во главе с капитан-лейтенантом Бутаковым одолели турок, пленили их корабль и на буксире привели в Севастополь. Потом его отремонтировали, и под названием «Корнилов» он вошел в состав Черноморского флота.

– Так вот, о шашке-с. Этот офицер слышал от самого Железнова рассказ о ее покупке. Лейтенант утверждал, что оружие продавали задешево потому, что старинная шашка будто бы наговорная, владельцы ее долго не живут, если берут ее в бой. Но клинок был стали отменной, любой другой перерубал, офицер и соблазнился покупкой. В том бою с «Первазом» Железнов прикинул, что придется сцепиться с турками борт о борт, шашка-то и понадобится. Нацепил, а тут турок картечью пальнул. Лейтенанту в голову попало – отжился. Корнилов потом эту шашку в память о Железнове себе взял, не жаловал он суеверия. Но никогда ее не надевал. Пятого-то октября, когда штурм был, он на Малахов с этой шашкой приехал. Ядро, прежде чем ногу Владимиру Алексеевичу раздробило да в живот ранило, эту шашку пополам раскололо.

– Любопытная история. Впрочем, таких историй на флоте, да и в армии у всех воевавших пруд пруди. Но проверить надобно: вдруг вещь магическая, амулет какой или того больше. Нашли обломки?

– В том-то и дело, в том-то и дело! – засуетился Суровкин перед начальником, восторженно восклицая и нелепо потирая ладони. – Искал-с! Спрашивал, не видал ли кто? Свидетелей опросил. Тем, кто к адмиралу подбежал да потом его в госпиталь отвозил, в память заглянул – не видели шашку. Те, кто с ним на Малахов прибыл, говорят – была-с. Я более ничего не смог обнаружить, куда уж мне с невеликими силами моими. Вы уж, Лев Петрович, не побрезгуйте-с, сами проверьте. Вы же силы большой волшебник.

– Что же вы мне сразу об этом не сказали? Обязательно займусь. – Бутырцев был откровенно недоволен своим Светлым заместителем, готовым свалить на Темного простейшее дело. Да и о такой важной детали сказать вскользь? Уму непостижимо.

– Так я подумал, что брешут, по обыкновению, побасенки разные тут ходят. Сегодня только проверить решил, – неискренне повинулся Иван Дмитриевич.

– Впредь мне все слухи, до вас дошедшие, докладывайте тут же, – распорядился начальник. Не любил он командовать, не любил работать хотя бы и в паре. Привык самолично до истины докапываться. Но вот приходится. – На сегодня свободны. Если вы мне понадобится, то я вас ментальным образом вызову.

– Всенепременнейше, Лев Петрович, всенепременнейше. – Суровкин согнулся в поклоне и исчез за дверью.

«Мелкий человек, крыса чиновничья. И как только он Светлым стал? Пути Сумрака непостижимы...» – подумал Бутырцев. И решил самолично сейчас же съездить на Малахов, несмотря на вечернее время.

Глава 5

I

Лев Петрович приехал на Малахов к ночи. Октябрьский день короток. Но, несмотря на темноту, в траншеях и на батареях кипела работа. Матросы и солдаты рабочих рот восстанавливали порушенное неприятелем за день. Добавляли грунт в разбросанные бомбами земляные насыпи над пороховыми погребами, укрепляли мешками с землей амбразуры, углубляли траншеи, складывали в кучи ядра, привезенные свои и «подарки» от неприятеля. Отовсюду слышались удары кирок, позвякивание лопат, шорох ссыпаемой земли. Фурштатские солдаты негромко покрикивали на запряженных в тяжелые фуры лошадей. Поодаль угадывался строй – это охотники готовились к вылазке, слушали указания офицера. Бутырцев чутьем старого инженера, видевшего за свою жизнь немало фортификационных сооружений, угадывал оружейные позиции, места для наблюдения, банкеты, расположение погребов и землянок. Его душа военного человека, давно не бывавшего в сражениях, пела, наслаждаясь звуками слаженной работы этой массы служивых людей. Нет, так просто Севастополь не взять!

– Братцы, раз-два, взяли! – донеслось из дальнего угла. Бутырцев заострил зрение – с десяток матросов ухватили огромное бревно и понесли куда-то в глубь укрепления.

– Бонба! – вдруг раздался крик наблюдателя. И тут же последовало: – Не наша!

Снаряд прочертил в небе дугу из рассыпающихся искр и разорвался где-то на склоне кургана. Яркий след еще долго стоял в глазах мага. Бутырцев пригляделся к виду, запечатленному в памяти: дуга как бы подрагивала, линия полета была в мелких завитушках – бомба крутилась в полете, тлеющий фитиль то оказывался на виду, то скрывался от наблюдателя за снарядом.

Что-то отозвалось в памяти при виде впечатляющего полета рукотворной кометы. Кололо, будто пустячная заноза в ладони – вроде и не чувствуешь ее, но стоит за что-то рукой ухватиться, сразу – извольте получить, вот она, никуда не делась. Понять бы еще, что именно так просится объяснить себя. Лев Петрович постановил обязательно разобраться на свежую голову с «занозой».

На позициях при виде бомбы никто и не подумал остановить работу, пригнуться, забиться в какую-нибудь щель. «Вот ведь человек существо какое, к любой опасности привыкает», – подумалось дозорному.

Часовой показал ему, как пройти к землянке, где могут быть офицеры, видевшие, как погиб Корнилов, бывшие в трагический момент неподалеку от адмирала. Пароль не спрашивал, «признав» в Бутырцеве «знакового» офицера.

Землянка оказалась блиндажом, устроенным в горже бастиона. С крепким накатом, присыпанным глинистым светлым грунтом, сочившимся сквозь щели при особо выдающихся взрывах. В жилище было тесно и душно. На лежаках, укрывшись флотскими шинелями, спали трое, еще два моряка пили чай. Бутырцев представился членом комиссии по расследованию гибели Корнилова. Понимал, что чиновников офицеры недолюбливают, но каждый раз изображать из себя своего брата-моряка было неправильно: вдруг кто припомнит, что прошлый раз этот господин был тем-то, а сейчас выдает себя за другого. Так и за шпиона могут принять. К тому же флотские офицеры, выпускники одного Морского корпуса, знали друг друга гораздо лучше, чем армейцы.

Все же Лев Петрович слегка подтолкнул собеседников к признанию его человеком достойным. Да и пара бутылочек вина, захваченных, «чтобы не простыть» – октябрьские ночи и в Крыму бывают холодными, – расположила офицеров к нему.

Разговор получился хороший, откровенный. Выразив свое глубокое огорчение гибелью достойнейшего Владимира Алексеевича, Бутырцев тонко отозвался об уме и мужестве погибшего. Заодно восхитился героизмом присутствующих, ежедневно подвергающихся смертельной опасности.

Ему не пришлось кривить душой, слова его были искренними, и моряки почувствовали это.

Зашел разговор и о стойкости русского воина.

– Изумляюсь я бесстрашию своих батарейных матросов, – проснувшийся лейтенант подключился к беседе. – Когда бомбардировка была и бомбы сыпались на батарею, как в октябре перезревшие антоновские яблоки с дерева, они, вместо того чтобы разбежаться от снаряда, пока он не взорвался, тушили бомбу или в безопасное место отталкивали. Кто ведром воды окатит, кто в яму быстро спихнет – пусть там взрывается.

– Федор, это у тебя матрос бомбу в котел с кашей кинул? – хохотнул другой лейтенант, крупный полный блондин с добродушным лицом.

– Нет, у меня такого не случалось, а байку эту слышал, вроде на третьем бастионе дело было, но врать не буду.

– Мне в городе сказывали, будто у нас, на Малаховом, все так и сладилося. Точно говорю...

Мнения разделились. Как всегда: кто-то что-то видел и божился, что прямо здесь все и было, кто-то слышал от других. Поди узнай тут правду про заговоренную шашку.

К немалому удивлению Бутырцева, когда он прямо спросил, видел ли кто злополучную шашку на адмирале, двое из присутствующих сразу ответили: да, в тот день Корнилов был вооружен знаменитым клинком. Оба видели, как ядро разломило шашку и разбило ногу Владимира Алексеевича. Многие тогда бросились к раненому, подняли, уложили на шинель, завет его слышали. Федор был среди тех, кто сопровождал адмирала, истекающего кровью, на Корабельную, припомнил, что тот просил позвать жену и священника.

– Что же обломки шашки? – любопытствовал Бутырцев.

– Их матрос Зинченко подобрал, он у меня в кузне работает, – охотно ответил добряк-блондин. – Шашку уж никак нельзя было починить, но сталь добрая, знатная сталь, дамасская. Так Зинченко кинжал из нее сделал и еще нож наподобие охотничьего. Нож я у него купил, сейчас покажу. Кинжал матрос продал есаулу казачьему, что пластунами командует. Пластуны, скажу я вам, не просто отчаянные молодцы, они там все колдуны немного, заговоры знают, им такой кинжал не повредит.

Лейтенант поднялся из-за стола, отошел в темный угол землянки, открыл походный сундук и достал из него нож.

Правду говорили про шашку – сталь в клинке была великолепная, чудесная сталь. Она переливалась серым муаром в тусклом свете фонаря, завораживала, манила. Красовалась и в то же время была опасно острой. Жила в этой стали неумная жажда. Жажда боя, крови.

Но в ней не было магии, на ней не было следов заговора. Даже самым пристальным взглядом Бутырцев смог увидеть всего лишь кровавые следы смерти последнего владельца. Не было ни малейшей капли ужаса в этих следах – вице-адмирал Корнилов принял ранение и возможную смерть как дело на войне обыденное и волновался лишь об одном: как справятся без него с делом обороны Севастополя, не спасуют ли, сумеют ли, сдюжат? Возможно, маг, умеющий детально читать ауру вещей, или опытный Высший смог бы обнаружить на этом клинке следы его многочисленных владельцев и жертв, даже добраться до настроения мастера, изготовившего оружие, но это не относилось к делу, порученному Бутырцеву.

Как ни хотелось ему еще посидеть с офицерами, послушать их рассуждения о ходе кампании, о судьбе города, но пора было возвращаться в дом на Морской.

II

Бутырцев ехал по ночному городу в обход Южной бухты и пытался припомнить, что его так задело, когда он увидел искристую дугу от вражеской бомбы. Между тем еще один подобный снаряд промчался по небу с неприятельских позиций и упал на четвертый бастион, что был на вершине горы, возвышающейся над болотистым хвостом бухты.

Припомнился ему другой бой, где похожий снаряд летел в застывшего от ужаса человека. Человека? Иного! Точно – Синопское сражение, в котором кондуктор Пекус закрылся от бомбы магическим щитом. То самое деяние, которое послужило предлогом создания объединенных Дозоров, позволило европейцам быть теперь в Севастополе и тщательно наблюдать за тем, что здесь происходит. Не за Иными, а за городом, за происходящим, за магическим фоном. Плевать им на всех этих слабых магов-неучей, Светлых и Темных, патриотов и жаждущих славы, наград и почестей, на мелких кровососов, пользующихся моментом, чтобы безнаказанно утолить свой голод, на оборотней, имеющих возможность разорвать кому-то горло и прикрыть это военными действиями. Что можно расслышать и увидеть в магическом фоне, в котором ежеминутные смерти, ужас, горе, гнев и гордость сливаются в непрерывный гул? Только то, что это все перекроет, только сильный сигнал.

В Бутырцеве крепла уверенность, что кому-то очень нужен сам Севастополь.

Господа из Дозоров: англичане, французы, да и турки, господа из Инквизиции, что вам здесь надобно? Кто-то из вас точно знает. И он, Бутырцев, этого знатока или знатоков найдет.

* * *

В комнатке, снимаемой Бутырцевым, сидел и пил чай из оловянной кружки мичман Нырок. Его усталый вид и пропыленная форма говорили о том, что он за этот день многое повидал. Непривычная молчаливость и отрешенное выражение лица юного мага свидетельствовали о пережитом.

– Лев Петрович, я возвращался с пятого бастиона, решил к вам заехать, а тут у хозяйки еще самовар не остыл, чаевничаю вот без вас. Не желаете ли чайку приказать? – Филипп выговаривал слова механически, мыслями он был в увиденном.

– Молодцом, что заехали. От чаю не откажусь.

Молодой человек ушел распорядиться. Бутырцев присел на кровать – ноги гудели. С наслаждением стянул сапоги, вытянулся. Легким заклинанием снял накопившуюся усталость – сейчас надо быть в форме.

Так же он взбодрил и вернувшегося с чаем и кренделем Филиппа. Младший маг почувствовал ободряющее дуновение и вопросительно вскинул голову:

– Чаевничайте, Лев Петрович. Спасибо за поддержку, но я и сам могу...

– Спасибо, голубчик, за чай. Надо бы нам испросить у командования денщиков для хозяйственных надобностей. Негоже самим за чаями бегать.

«Будто бы он бегал», – подумал Филипп.

– Поддержка моя – служебная необходимость, сейчас мы с вами на свежую голову загадку будем разгадывать. – Бутырцев с наслаждением не хуже вампирского вонзил зубы в крендель, откусил и сделал добрый глоток горячего, но не обжигающего душистого чая. – Знатный чай. Настоящий персидский.

– Хозяйка расщедрилась, – почему-то зарделся Нырок.

– Отчего же молодой вдове не угостить такого видного молодца, как вы, – не удержался, подел юношу Темный.

– Лев Петрович!

– Ну, полно, полно. Не обижайтесь на неуклюжие стариковские шутки, – заслонился ладонями Бутырцев, как бы отгоняя от себя наветы и напраслину.

– Я, господин Темный, понимаю вашу склонность задевать мое самолюбие, но отчего вы себя в старики записали, хоть убей, не возьму в толк, – желчно, как ему показалось, съязвил Светлый.

– Эх, молодой человек, поживите с мое, – скорбно молвил (и не подберешь другого слова) старший маг. И так это у него получилось картинно, так театрально, такую многозначительную паузу он выдержал, комически поводя глазами, что не стало у Ныrkова сил обижаться на начальника. Оба, не выдержав, расхохотались. У обоих с души упал груз забот, накопившихся за день.

– Посмеялись, и будет. – Лев Петрович посерьезнел. – Хочу вам, Филипп, сцену одну показать. Когда Инквизиция память неудачливого Иоахима Пекуса просматривала, сделали копию, которую потом раздали заинтересованным сторонам. Я ее от Шаркана получил. Сколько раз я ее просматривал – все мне было в ней очевидно. Сегодня же кое в чем засомневался. Посмотрите-ка сами свежим взглядом.

Темный маг перебросил ментальный слепок Светлому. Ныrkов, прикрыв глаза, внимательно прокрутил перед мысленным взором памятный эпизод из жизни кондуктора.

– Понятно же все... Испугался кондуктор, загородился.

– Не торопитесь, еще разочек посмотрите.

Ныrkов добросовестно вгляделся в события годичной давности еще раз. Позвольте, почему это бомба такая...

– Скажите-ка, любезный Филипп Алексеевич, – вклинился в его размышления Бутырцев, – может ли бомбический снаряд, выпущенный из морского или какого-либо другого оружия, иметь в своем полете цвета иные, кроме темных? Особенно на фоне клубов порохового дыма, на фоне неба?

– Никак нет, Лев Петрович. Либо черная точка в небе виднеется, либо серая, это уж как зрение настроится.

– То есть вы, мичман, будучи артиллеристом, настаиваете, что ярких оттенков бомба иметь не может? А именно: красных, розовых, оранжевых, карминовых и других цветов пламени и огня? Хотя бы и вишневого?

– Помилуйте, с чего бы это?

– Поясните, почему вы так считаете? Впрочем, вижу, что вы мне скажете то, что я уже понял сам. Уповаю, что вы согласны со мной в том, что цвета такие может принимать только каленное в специальной печи ядро, которые применяются на флоте для зажигания кораблей вражеских, но никоим образом не бомбический снаряд, природа которого не позволяет ему чрезмерно нагреваться, дабы взрыв не произошел преждевременно. – Бутырцев, волнуясь, по обыкновению строил свою речь несколько архаически, наподобие того, как говаривали в его молодости. Ныrkов, чувствуя важность беседы, уже настраиваясь на собеседника, неосознанно поугайничал.

– Именно так, Лев Петрович! Именно так!

– Отрадно, что мы пришли к сердечному между нами согласию. Но противоречие между нашими рассуждениями и фактами в том, что подследственный кондуктор Иоахим Пекус запечатлел в памяти своей закрашенную хорошей иллюзией почти до черноты, но все же раскаленную, темно-вишневого цвета бомбу. О чем это может нам говорить? О том, что это не бомба, а ряженное под бомбу каленое ядро удобной траектории. Тут же становится понятно отсутствие соразмерных эволюций в полете бомбы, которых не бывает у ядра, фитиля запального не имеющего. Ах, Филипп Алексеевич, если бы я был не магом, а каким-нибудь сумасбродным чудаком, я бы обязательно изобрел бы некую машину, способную запечатлеть полет снаряда, а впоследствии и неоднократно показать непрерывный ряд картинок этого полета. И тогда докуч-

ливый следователь мог бы со спокойной душой, не торопясь, за чаем просмотреть такой полет, отметить все несуразности, даже исправить их и всенепременно докопаться до искомой сути.

– Как здорово вы придумали, Лев Петрович, как интересно! И что, будет ли такая машина создана? И как скоро?

– Я мало сведущ в такого рода технике. И я не провидец. Но я имею надежду не только на магию, но и на ум человеческий.

– Но пока я вижу, что вы силой магии не один раз просмотрели картинку из головы известной особы. Неоднократно, что не каждый сделать догадается. Далее нашли, как вы выразились, несуразности, поняли их и вывод свой сделали. Он совсем не был очевидным, потому что не разглядели подмену ни комиссии Дозоров, ни триумvirат Инквизиторов. Вы гений!

– Ну, что вы, право, какой гений... – засмутился довольный Бутырцев. – К тому же только морской артиллерист, как вы, да и я, старый вояка, побывавший на море, мог понять такую несуразность. В том-то и дело, друг мой, что не нужна им была истина, не хотели они ничего другого видеть, кроме понятного, кроме того, что их устраивало. И того более – им нужного.

III

– Шаркан, это тонко наведенная иллюзия. В действительности в Пекуса летело каленое ядро. Он мог легко его отбить. Даже если бы он просто пропустил его, то ядро всего лишь проломило бы палубу, возможно, устроило бы небольшой пожар, но не убило бы ни самого кондуктора, ни Нахимова с его офицерами. Моряки умеют бороться с такими ядрами – пороховой погреб накрывают кучей мокрых парусов, ядра водой заливают. А для Пекуса на такое ядро иллюзию навели. Но даже при виде летящей в него бомбы опытный моряк, к тому же Иной, не запаниковал бы так, что чуть ли не всю свою Силу в щит вложил. Там и заклинания запугивания было, какое, я не сумел установить. Специально полдня сегодня потратил, разыскивая моряка. Нашел в госпитале. Везунчик этот Пекус – намерен на бастионе получил пулю в плечо, сквозное ранение. Спокойно в тот день было, матрос-баталер ему что-то тихо сказал, Иоахим начал нагибаться к моряку, чтобы переспросить, тут его пуля и достала. Если бы не наклонился, то прямоком в сердце шла. И не смог бы я порыться в его памяти, понять, что пугнули тогда морячка. Кто-то явно концы в воду хотел спрятать вчистую, – Бутырцев спокойно и размеренно рассказывал Высшему о вскрывшихся обстоятельствах. Говорил в раковину, выданную ему для связи с московским начальством.

В ракушке в ответ запищало, и Лев Петрович поспешил приложить ее к уху.

– ...никто не понял, что это не бомба, а ядро? Как тебе, Ахрон, эта мысль в голову пришла? – поинтересовался Высший в Москве.

– Я – старый вояка, а тут в Севастополе наяву полет бомбы увидел. Нырков тоже морской офицер, хоть и не воевал пока, но гардемарин на корабле плавал, летящие ядра и бомбы видел. Он с моей догадкой согласился, – добавил в глазах Шаркана весу своему подчиненному Лев Петрович и поспешно переложил ракушку к уху.

– Хорошо. Ты его гоняй, не береги, пусть Агнию расскажет, что вы там крутитесь, не жалея себя. – Шаркан хохотнул. – Что думаешь дальше делать?

– Я так понимаю, что ты не хочешь ставить в известность другие Дозоры и Инквизицию об этом фокусе с ядром? – И опять раковина переместилась к уху.

– Ахрон, не прикидывайся дурачком. – Шаркан стал раздражен и резок. – Ты уже понял, что идет большая игра. Кому-то надо было попасть в Севастополь, не таясь и немалыми силами. Зачем? Следить за соблюдением Договора? Людей от вмешательства Иных защищать? Сказки! Думай, Ахрон, разберись, расследуй! Что-то ищут? Готовят новую, еще большую провокацию? Ты обязан понять, я верю в твои способности следователя. Да, у меня есть пара подсказок для

тебя, но даже я не уверен, что они не уведут нас на ложный след – против меня тоже играют. Что ты на сегодня задумал? Я чувствую, что ты готовишь какую-то каверзу.

– Договорился о встрече с главами английского и турецкого Дозоров и со старым приятелем Сен-Тресси, начальником французского Дозора. Немного подергаю тигра за усы – буду делать вид, что знаю больше, чем они думают, что ближе к цели, чем они. Пусть занервничают, ходы какие-нибудь сделают, авось что-то прояснится.

– Авось да небось – эх ты, русская натура. Гляди, чтобы их ходы не оказались губительными для тебя. Ты – пешка, если игра настолько крупна, как мне видится. – Шаркан не стал скрывать серьезность положения от своего следователя.

– Я буду осторожен по необходимости, – заверил Высшего Бутырцев. – Инквизиции я вчера представился.

– Что же Серые?

– Выразили полнейшую уверенность в искренности нашего с ними сотрудничества и многозначительно замолчали...

– Как всегда. Не обольщайся, Лев, что они будут стоять над схваткой, они – тоже в игре. Разберись в их партии. Но спокойно, Серые сами мастера тихих интриг. Действуй. Жду скорейшего результата от тебя.

Ничего нового Шаркан Бутырцеву не открыл, защиты не пообещал. Другого Лев Петрович от начальства и не ждал. Но решил завершить разговор, слегка поддев Высшего.

– Шаркан, а тебе не надоело во время разговора ракушку от уха ко рту подносить и обратно?

– Ахрон, я просто сделал маленькое заклинание, усиливающее звук из ракушки. Попробуй, это просто, – обескуражил подчиненного Шаркан, – и маленькое заклинание от подслушивания. И еще одно заклинание, чтобы раковина у моего рта висела в воздухе, – это новички на первых уроках изучают.

Высший явно издевался над Бутырцевым. Но Лев Петрович сумел ответить:

– А две раковины нельзя было сделать? Чтобы в одну говорить, другую слушать.

– Закажу у мастера в следующий раз, – буркнул Шаркан, и связь прервалась.

Глава 6

I

Встреча глав объединенных Дозоров состоялась на Сапун-горе – трем из четырех магов туда было удобно добираться. Бутырцев, прикрываясь сферой невнимания и меняя личины, приехал верхом по Воронцовской дороге, англичанин с турком прибыли на повозке из Балаклавы. И только Темному магу де Сен-Тресси пришлось тащиться верхом на муле от самых Камышей, где разбили свой лагерь французы. Зато этот лагерь был самым благоустроенным – французы завезли туда все: начиная от сборных домов и заканчивая мешками с землей для устройства укреплений. Не сказать, что англичане пожадничали с завозом припасов, но, расположившись в Балаклаве, откуда выгнали греков, они испытывали нужду в воде и дровах для обогрева и приготовления пищи. Сейчас положение начало выправляться, а поначалу цена стакана воды доходила до шиллинга! Турки же, находившиеся на попечении англичан, просто нищенствовали. Это не касалось дозорных, но им тоже пришлось попотеть, обустроявая свой быт.

С этого места Сапун-горы открывался чудесный вид на Балаклавскую долину, на селение Камары, видневшееся на склоне горной гряды, идущей от Балаклавы на восток. Напротив хорошо были видны Федюхины высоты, просматривались траншеи и батареи турок.

«Неплохое место для наблюдения за диспозицией и действиями войск, – отметил в уме Лев Петрович. – Но вряд ли русские войска будут наносить здесь удар. У Меншикова духу не хватит решиться на такой дерзкий шаг. А ведь таким маневром можно опрокинуть турок с англичанами и захватить базу британцев в Балаклаве».

Но не его это дело, он наблюдатель на войне людей. И следовательно в делах Иных.

* * *

Глава английского объединенного Дозора Светлый маг лорд Джеймс Фюссберри был образцом английского джентльмена – лошен, строен, чопорен. Его эмоции были непонятны Бутырцеву ни как человеку, ни как Иному – аура английского мага была искусно прикрыта. В отличие от британца толстенький турок, картинно одетый в восточное платье Мустафа Эфенди, лучился добродушием, что подчеркивало в нем Светлого. Его эмоции были более прозрачны для Льва Петровича, но восточный образ мыслей впоследствии частенько ставил русского мага в тупик при общении. Возраст обоих Светлых Бутырцев не смог определить, но, исходя из косвенных признаков, решил думать, что они старше его.

Лучше всего Лев Петрович понимал де Сен-Тресси, с которым познакомился в Париже в начале давно прошедшего восемнадцатого века. Два молодых Темных, ровесники, к тому же проведенные в Сумрак одним и тем же наставником, оба из обедневших дворянских родов, не дураки выпить и приударить за дамами, дуэлянты и шутники, стали приятельствовать с первой же встречи, начавшейся со ссоры и окончившейся знатной попойкой. Время было бурное, в те годы герцог Филипп Орлеанский, регент при малолетнем Людовике XV, прославился своими любовными похождениями и пирушками. Одно время Шарль де Сен-Тресси был близок к кружку друзей регента, которых сам герцог за их дурной нрав прозвал висельниками. Молодой Бутырцев исповедовал тогда идею свободы для мыслящих людей, к коим, несомненно, относил и себя. Поэтому Левушка никого не осуждал и не пытался поставить во фронт по своему

разумению. Как говаривали по этому поводу у него дома, в России: «Хозяин – барин: хочет – живет, хочет – удавится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.